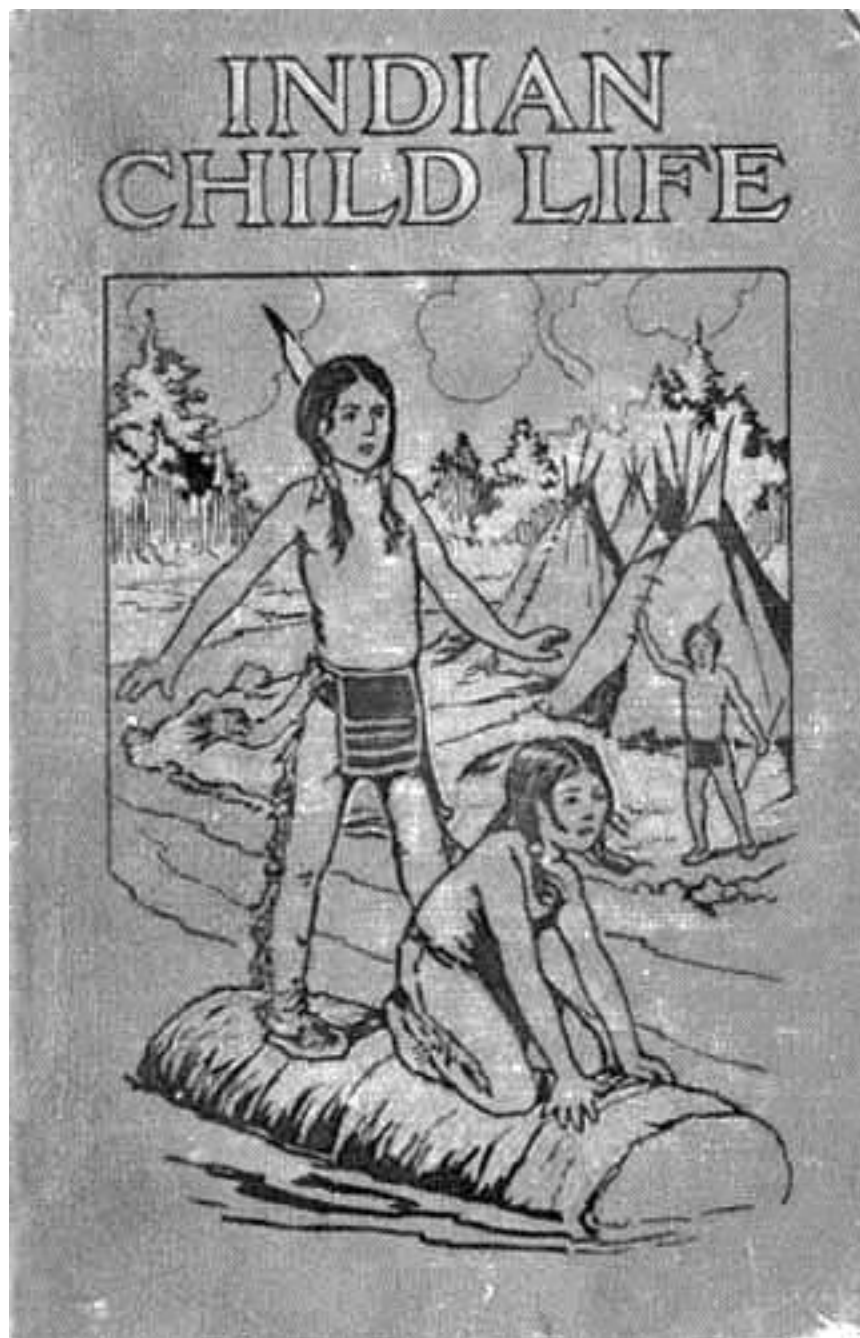


Жизнь индийского ребенка

Чарльз А. Истмен



Электронная книга проекта "Гутенберг" о жизни индийского ребенка

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Жизнь индийского ребенка

Автор: Чарльз А. Истман

Иллюстратор: Джордж Вариан

Дата выхода: 27 июня 2008 г. [Электронная книга № 25907]

Последнее обновление: 3 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено К. Нордквистом и командой онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЖИЗНЬ ИНДИЙСКОГО РЕБЕНКА" ***



Снана громко позвала своих товарищей-копателей репы.
Фронтиспис.
См. страницу 123.

ЖИЗНЬ ИНДИЙСКОГО РЕБЕНКА

Автор ЧАРЛЬЗ А. ИСТМАН
(Охиеса)

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ДЖОРДЖА ВАРИАНА

БОСТОН
ЛИТТЛ, БРАУН И КОМПАНИЯ
1915

Авторское право, 1913,
Литтл, Браун и компания.

Все права защищены

Типография S. J. Parkhill & Co., Бостон, США,

ПИСЬМО ДЕТЯМ

Дорогие дети: — Вам будет приятно узнать, что человек, написавший эти правдивые истории, сам является одним из тех людей, которых он так приятно и с такой любовью описывает для вас. Он надеется, что, когда вы закончите эту книгу, индейцы покажутся вам очень реальными и очень дружелюбными. Он не желает, чтобы все ваши знания о расе, некогда владевшей этим континентом, исходили из уст незнакомцев и врагов, или чтобы вы думали о них как о кровожадных и вероломных, как о диких и нечистых.

Война, как вы знаете, всегда жестока, и это правда, что среди индейцев были суровые бойцы, так же как и среди ваших собственных предков. Но были и мирные люди, люди щедрые, добрые и религиозные. Были нежные матери, и счастливые малыши, и семейная жизнь, которая была чистой и верной. Были высокие идеалы верности и чести. Чтение об этих вещах пойдет вам на пользу и сделает вас счастливее.

Возможно, вам интересно, как "настоящий, живой индеец" смог написать книгу. Я расскажу вам как. История жизни этого человека сама по себе прекрасна, как сказка. Рожденный в вигваме, как он уже говорил вам, и рано оставшийся без матери, он, как и маленький Гайавата, воспитывался доброй бабушкой. Когда ему было четыре года, началась война между его народом и правительством Соединенных Штатов. Индейцы потерпели поражение, и многие из них были убиты. Некоторые бежали на север, в Канаду, и нашли убежище под британским флагом, среди них автор этой книги со своей бабушкой и дядей. Его отец попал в плен к белым.

После десяти лет той дикой жизни, которая теперь повсюду подходит к концу, правдивую картину которой он дал вам в своих книгах, его отец, которого добрый президент Линкольн помиловал и освободил из военной тюрьмы, совершил долгое и опасное путешествие в Канаду, чтобы найти и вернуть своего младшего сына. Сиу начинали понимать, что старая жизнь должна уйти и что, если они вообще хотят выжить, они должны следовать "путем белого человека", каким бы долгим и трудным он ни казался свободному народу. Они начинали пахать, сеять и отправлять своих детей в школу.

Охиеса, Победитель, как звали мальчика, вернулся домой со своим отцом на территорию тогдашней Дакоты, в маленькое поселение переселенцев из племени сиу. Все в новой жизни было для него странным, и поначалу это ему совсем не нравилось. У него были мысли сбежать и вернуться в Канаду. Но его отец, Много Молний, который был крещен как христианин под именем Джейкоб Истмен, сказал ему, что он тоже должен взять новое имя, и он выбрал Чарльза Александра Истмена. Ему велели остричь свои длинные волосы и надеть гражданскую одежду. Затем отец заставил его выбирать между посещением школы и работой за плугом.

Охиеса пытался пахать полдня. Это была тяжелая работа - разрывать жесткий дерн прерии волами его отца и странным орудием, которое они ему дали. Он решил попробовать пойти в школу. К его удивлению, ему там понравилось, и он продолжал учиться. Учителя были довольны его успехами, и вскоре перед ним открылись лучшие возможности. Его отправили дальше на восток, в лучшую школу, где он продолжал хорошо учиться и вскоре пошел выше. Во время долгих летних каникул он работал на фермах, в магазинах и офисах; а зимой учился и играл в футбол и во все другие игры, в которые вы играете, пока примерно через пятнадцать—шестнадцать лет не обнаружил, что получил дипломы знаменитого колледжа и великого университета, степень бакалавра наук, доктора медицины и человека с двойным образованием - сведущего в знаниях дикой природы, а также в некоторых глубочайших секретах цивилизации.

С того дня прошло еще немало лет. У Охиесы, известного как доктор Чарльз А. Истман, теперь есть дом и шестеро собственных детей среди холмов Новой Англии. У него сотни преданных друзей обеих рас. Он является автором пяти книг, которые были широко прочитаны, некоторые из них в Англии, Франции и Германии, а также в Америке, и каждый год он беседует лицом к лицу с тысячами людей. Возможно, кто-то из вас слышал из его собственных уст его воспоминания о дикой жизни. Вы можете найти все рассказы из этой книги и многие другие подобного рода в книгах под названием "Индийское детство" и "Старые индийские дни",

изданных издательством Doubleday, Page and Company из Гарден-Сити, Лос-Анджелес, которое любезно согласилось на публикацию этого небольшого тома, чтобы дети в наших школах могли читать рассказы о настоящих индейцах в исполнении настоящего индейца.

Содержание

Часть Первая

МОЕ ИНДИЙСКОЕ ДЕТСТВО

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. "Жалкие последние"	1
II. Ранние трудности	9
III. Индийский сахарный лагерь	19
IV. Игры и спорт	26
Ст. Обучение индийского мальчика	37
VI. Мальчик-Охотник	48
VII. Вечер в сторожке	58

Часть вторая

ИСТОРИИ НАСТОЯЩИХ ИНДЕЙЦЕВ

I. Детство Вайноны	75
II. Девичество Вайноны	83
III. Праздник Летнего солнцестояния	93
IV. Верность Длинноухих	103
Ст. Олененок Снаны	118
VI. Первое приношение Хакады	131
VII. Могила собаки	145

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Снана громко позвала своих товарищей-собирателей репы на	<i>Фронтисписе</i>
, чтобы они храбро запрыгнули на	СТРАНИЦУ,
, "О, какие у него красивые когти, дядя!" Нетерпеливо воскликнул я	69
Он начал петь панихиду по нему	140

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОЕ ИНДИЙСКОЕ ДЕТСТВО

Я

"ЖАЛКИЙ ПОСЛЕДНИЙ"

Какой мальчик не побыл бы некоторое время индейцем, когда он думает о самой свободной жизни в мире? Эта жизнь была моей. Каждый день была настоящая охота. Это была настоящая игра.

Ни один народ не использует свои пять чувств лучше, чем дети дикой природы. Мы могли обонять так же хорошо, как слышать и видеть. Мы могли чувствовать и пробовать на вкус так же хорошо, как видеть и слышать. Нигде память не была развита так полно, как в дикой природе, и я все еще вижу, чему я во многом обязан своим ранним тренировкам.

Конечно, я сам не помню, когда впервые увидел этот день, но мои братья часто вспоминали это событие с большим весельем; ибо у индейцев сиу был обычай, что, когда рождается мальчик, его брат должен нырнуть в воду или голышом повалиться в снег, если было зимнее время; и если он был недостаточно велик, чтобы сделать что-либо из этого самостоятельно, на него выливали воду. Если у новорожденного была сестра, она должна быть погружена в воду. Идея заключалась в том, что в лагерь пришел воин, и другие дети должны проявить какую-нибудь отвагу.

Мне так не повезло, что я была младшей из пятерых детей, которые вскоре после моего рождения остались без матери. Мне пришлось носить унижительное имя "Хакада", что означает

"жалкий последний", пока я не заслужу более достойное и подходящее имя. Остальные дети считали меня не более чем игрушкой.

Младенца укладывали, как обычно, в передвижную колыбель, сделанную из дубовой доски длиной в два с половиной фута и шириной в полтора фута. С одной стороны к нему гвоздями с медными наконечниками был прибит богато расшитый мешок, открытый спереди и сверху донизу зашнурованный бечевками из оленьей кожи. Над ручками младенца был перекинут деревянный бант, концы которого были прочно прикреплены к доске, так что в случае падения колыбели голова и лицо ребенка были бы защищены. На этом луке были подвешены любопытные игрушки — струны из искусно вырезанных костей и оленьих копыт, которые дребезжали, когда маленькие ручки двигали ими.

В этой вертикальной колыбели я жил, играл и спал большую часть времени в течение первых нескольких месяцев своей жизни. Заставляли ли меня прислоняться к столбу вигвама или подвешивали к суку дерева, пока моя бабушка рубила дрова, или меня несли на спине, или другой ребенок удобно балансировал в такой же люльке, подвешенной с противоположной стороны от пони, я все равно оставался в своей дубовой кровати.

Эта бабушка, которая уже пережила шестьдесят лет лишений, была настоящим чудом для юных дев племени. Она проявила по поводу Хакады не меньший энтузиазм, чем тогда, когда держала на руках своего первенца, отца мальчика. Каждую мелочь внимания, оказанную любимому ребенку, она выполняла с большим мастерством и преданностью. Всю мою скромную одежду и крошечные мокасины она сшила с большим вкусом. Все говорили, что я не мог бы получить большего внимания, если бы моя мать была жива.

Унчида (бабушка) была великой певицей. Иногда, когда Хакада просыпался слишком рано по утрам, она пела ему что-нибудь вроде следующей колыбельной:

Спи, спи, мой мальчик, Чиппева

Далеки — далеки.

Спи, спи, мой мальчик; готовься к встрече

Дневной враг — дневной враг!

Трусы не посмеют сражаться

До утреннего перерыва — до утреннего перерыва.

Спи, спи, дитя мое, пока еще ночь;

Тогда смело просыпайся — тогда смело просыпайся!

Женщины Дакоты имели обыкновение рубить и приносить дрова из леса и, по сути, выполнять большую часть тяжелой работы в лагере. Это по необходимости выпало на их долю, потому что мужчины должны следить за игрой в течение дня. Очень часто моя бабушка брала меня с собой на эти экскурсии; и во время работы у нее вошло в привычку подвешивать меня к дикой виноградной лозе или упругому суку, чтобы малейший ветерок раскачивал колыбель взад-вперед.

Она рассказала мне, что, когда я стал достаточно взрослым, чтобы обращать внимание, я, по-видимому, был способен вести продолжительные беседы на неизвестном диалекте с птицами и рыжими белками. Однажды я заснул в своей колыбели, подвешенной в пяти или шести футах от земли, в то время как Унчида была на некотором расстоянии и собирала бересту для каноэ. Белке было удобно забраться на нос моей колыбели и грызть орех гикори, пока она не разбудила меня, уронив крошки своей еды. Птицы часто садились на мою колыбель в лесу.

После того, как я покинула свою колыбель, я почти отошла от нее, сказала она мне. Затем она начала привлекать мое внимание к природным объектам. Всякий раз, когда я слышал пение птицы, она говорила мне, от какой птицы оно исходит, что-нибудь в этом роде:

"Хакада, послушай, как Шечока (малиновка) зовет свою пару. Он говорит, что только что нашел что-нибудь вкусненькое". Или "Послушайте Опеханску (дрозда); он поет для своей маленькой жены. Он споет как можно лучше". Когда вечером козодой заводил свою песню с вим, всего в двух шагах от нашей палатки в лесу, она говорила мне:

- Тише! Это может быть разведчик-оджибвей!

И снова, когда я просыпался в полночь, она говорила:

"Не плачь! Хинакага (сова) наблюдает за тобой с вершины дерева".

Обычно я прикрывала голову, потому что свято верила наставлениям моей бабушки, а она внушила мне ужасное представление об этой птице. Это была одна из ее легенд о том, что однажды маленький мальчик стоял прямо перед вигвамом (палаткой) и отчаянно звал свою мать, когда Хинакага спикировал в темноте и унес беднягу на деревья. Было хорошо известно, что индейские разведчики, находясь на тропе войны, обычно имитировали крик совы. Сразу после этого призыва произошла ужасная резня. Поэтому было сочтено мудрым как можно раньше запечатлеть этот звук в сознании ребенка.

Индийских детей обучали так, что они почти никогда не плакали по ночам. Это было очень целесообразно и необходимо в их незащищенной жизни. В моем младенчестве у моей бабушки был обычай укладывать меня спать, как она говорила, с птицами, и будить вместе с ними, пока это не вошло в привычку. Она делала это с определенной целью. Индеец всегда должен вставать рано. Во-первых, как охотник, он лучше всего находит дичь на рассвете. Во-вторых, другие племена, когда выходят на тропу войны, обычно совершают свое нападение очень рано утром. Даже когда наши люди передвигаются неторопливо, мы любим вставать до рассвета, чтобы отправиться в путь, когда воздух прохладный и, возможно, незамеченный нашими врагами.

В детстве мне прививали молчаливость и сдержанность. Это была одна из самых важных черт, которые формировались в характере индейца. Как охотнику и воину, это считалось абсолютно необходимым для него, и считалось, что это закладывает основы терпения и самоконтроля.

II

РАННИЕ ТРУДНОСТИ

Одно из самых ранних воспоминаний моего полного приключений детства - поездка верхом на пони. Я был пассивен во всем этом деле. Мою маленькую двоюродную сестру-девочку положили в мешок и подвесили к рогу индейского седла; но ее вес должен быть сбалансирован, иначе седло не удерживалось бы на спине животного. Соответственно, меня положили в другой мешок и заставили удерживать седло и девушку на месте! Я не возражал, потому что у меня была очень приятная игра в прятки с маленькой девочкой, пока мы не подошли к большому сугробу, где бедное животное намертво застряло и начало ложиться. Тогда это было не так приятно!

Это был удобный и примитивный способ, с помощью которого некоторые матери собирали своих детей в зимние путешествия. Какой бы холодной ни была погода, обитателю мехового мешка обычно было очень удобно — по крайней мере, раньше я так думал. Мне кажется, я привык ко всем ненадежным индийским средствам передвижения, и в детстве мне больше всего нравилась поездка на собачьих упряжках. Траво состояло из набора полос сыромятной кожи, надежно привязанных к шестам палатки, которые были прикреплены к бокам животного, как если бы оно стояло между оглоблями, в то время как свободным концом было позволено волочиться по земле. И пони, и большие собаки использовались в качестве вьючных животных, и таким образом они перевозили маленьких детей, а также багаж.

Такой способ передвижения для детей был возможен только летом, а поскольку собаки иногда были ненадежны, малыши подвергались определенной опасности. Например, всякий раз, когда поезд с собаками долгое время находился в пути, почти погибая от жары и тяжелого груза, вид воды заставлял их забывать обо всех своих обязанностях. Некоторые из них, несмотря на крики женщин, заплывали со своей ношей в прохладный ручей, и таким образом меня не раз заставляли принимать ванну без желания.

Мне было чуть больше четырех лет во время "резни индейцев сиу" в Миннесоте. В общей суматохе мы вылетели в Британскую Колумбию, и это путешествие до сих пор живо запоминается всей нашей семьей. У какого-то белого фермера отобрали упряжку волов и повозку с дровами и привезли домой для нашей перевозки.

Как я обрадовался, когда узнал, что нам предстоит ехать позади этих мудрых на вид животных в великолепно раскрашенной повозке! Этот новый четырехногий автомобиль казался мне почти живым существом, и тем более когда у нас кончилась смазка для осей и колеса завизжали, как поросята!

Мальчики находили массу невинного развлечения в прыжках с высокой повозки, пока волы неторопливо двигались вперед. Мои старшие братья вскоре стали экспертами. Наконец, я набрался достаточно смелости, чтобы присоединиться к ним в этом виде спорта. Я был уверен, что они наступили на колесо, поэтому осторожно поставил на него ногу в мокасынах. Увы, прежде чем я успел осознать, что произошло, я оказался под колесами, и если бы не сосед, ехавший сразу за нами, меня могла бы переехать и следующая команда.

Это был мой первый опыт работы с цивилизованным транспортным средством. Я выкрикнул все возможные упреки в адрес команды белого человека и пришел к выводу, что мне достаточно собачьих работ. Я был по-настоящему рад, что мы уезжаем от людей, которые сделали фургон, который чуть не оборвал мою жизнь, и мне не приходило в голову, что виноват в этом я один. Меня так и не удалось уговорить снова ехать в этом фургоне, и я был рад, когда мы наконец оставили его на берегу реки Миссури.

Летом после "миннесотской резни" генерал Сибли преследовал наших людей на другом берегу этой реки. Сейчас Миссури считается одной из самых коварных рек в мире. Даже хорошая современная лодка небезопасна на переменчивом течении. Мы были вынуждены переправляться в лодках из кожи буйвола - круглых, как кадки!

Вашечу (белые люди) приближались в большом количестве со своими большими ружьями, и пока большинство наших мужчин сражались с ними, чтобы выиграть время, женщины и старики сделали и оснастили временные лодки, укрепленные ивовыми прутьями. Некоторые из них буксировали две или три женщины или мужчины, плававшие в воде, а некоторые - пони. Нелегко было удержать их на ногах с их беспомощным грузом маленьких детей и тем добром, которым мы располагали.

Во время нашего бегства нас, маленьких людей, пристегивали ремнями к седлам или держали на руках перед кем-нибудь постарше, а во время долгих ночных маршей, чтобы скрыться от солдат, мы страдали от потери сна и недостатка пищи. Трапезу мы съедали наспех, иногда в седле. Воду можно было найти не всегда. Люди носили его с собой в мешках, сделанных из рубца или высушенного перикарда животных.

Теперь мы были вынуждены вторгнуться в страну враждебных племен, и они преследовали нас почти день и ночь. Только строжайшая бдительность спасла нас.

Однажды мы встретились с другим врагом недалеко от британских позиций. Это был пожар в прериях. Мы были окружены. Быстро был разведен еще один костер, который спас нам жизни.

Одним из самых захватывающих впечатлений следующей зимы была снежная буря, которая настигла нас во время наших странствий. То тут, то там семьи ложились на снег, выбирая места, где его вряд ли сильно занесет. День и ночь мы пролежали под снегом. Дядя воткнул рядом с нами длинный шест, чтобы сообщить, когда закончится буря. У нас было много бизоньих шкур, и снег согревал нас, но он показался нам тяжелым. Через некоторое время он стал набитым и выдолбленным вокруг наших тел, так что нам было настолько комфортно, насколько это возможно при таких обстоятельствах.

На следующий день буря прекратилась, и мы обнаружили почти поравнявшееся с нами большое стадо буйволов. Мы выкопали себе дорогу наружу, подстрелили несколько буйволов, развели костер и насладились хорошим ужином.

Теперь я была изгнанницей, а также сиротой; и все же я не была несчастна. Наши скитания с места на место доставили нам много приятных впечатлений и столько же лишений и несчастий. Были времена изобилия и времена дефицита, и у нас было несколько чудом избежавших смерти случаев. В жизни дикарей ранняя весна - самое тяжелое время, и почти все случаи голода приходились на этот период года.

Индейцы - терпеливый и клановый народ; их любовь друг к другу сильнее, чем у любого цивилизованного народа, которого я знаю. Если бы это было не так, я полагаю, среди них были бы племена каннибалов. Известно, что белые люди убивали и съедали своих товарищей, предпочитая умереть с голоду; но индейцы — никогда!

Во времена голода взрослые часто отказывали себе, чтобы еды хватило как можно дольше детям, которые были не в состоянии переносить голод так же хорошо, как старики. Как народ, они могут прожить без еды гораздо дольше, чем любая другая нация.

Однажды я проходил через один из таких жестких источников, когда мы несколько дней ничего не ели. Я хорошо помню шесть маленьких птичек, которые однажды утром составили завтрак для шести семей; а потом у нас не было ни обеда, ни ужина! Каким облегчением это было для меня — хотя на мою долю выпало всего лишь маленькое крылышко маленькой птички! Вскоре после этого мы прибыли в край, где было много буйволов, а голод и скудость были забыты.

Такова была дикая жизнь индейцев! Когда нужно было добыть дичь и светило солнце, они легко забывали о горьких впечатлениях предыдущей зимы. К будущему готовились мало. Они - дети Природы, и время от времени она хлещет их плетью опыта, но они забывчивы и беспечны. Большую часть их страданий можно было бы предотвратить, немного рассудив.

Летом, когда Природа в полном расцвете сил и в изобилии кормит дикаря, мне кажется, что нет жизни счастливее, чем у него! Еда бесплатно, жилье бесплатно - все бесплатно! Все были одинаково богаты летом, и, опять же, все были одинаково бедны зимой и ранней весной. Однако их болезни были реже и не такими разрушительными, как сейчас, и здоровье индейцев в целом было хорошим. Индийский мальчик наслаждался такой жизнью, о которой мечтают почти все мальчики, и выбрал бы ее для себя сам, если бы им разрешили это сделать.

Набеги других племен на наш народ были частыми, и нам приходилось постоянно быть начеку. Я помню, как однажды на наш лагерь было совершено ночное нападение, и все наши пони обратились в паническое бегство. Лишь немногие из них были найдены, и наши путешествия после этого несчастья совершались в основном с помощью собачьих упряжек.

На вторую зиму после резни мой отец, два моих старших брата и еще несколько человек были выданы полукровкой в Виннипеге властям Соединенных Штатов. Поскольку я тогда жил со своим дядей в другой части страны, я был разлучен с ними на десять лет. Все это время мы верили, что они были убиты белыми, и меня учили, что я должен отомстить за их смерть, как только смогу встать на тропу войны.

III

ИНДИЙСКИЙ САХАРНЫЙ ЛАГЕРЬ

С первой мартовской оттепелью мысли индийских женщин времен моего детства сразу же обратились к ежегодному производству сахара. Этой отраслью занимались в основном старики, женщины и дети. Остальные члены племени в это время года отправились на весеннюю пушную охоту, оставив нас дома варить сахар.

Первой и самой важной из необходимых принадлежностей были огромные чугунные и медные котлы для кипячения. Все остальное можно было приготовить, но это нужно было купить, выпросить или одолжить. Был срублен клен и выдолблено бревенчатое каноэ, в которое предстояло собирать сок. Были также сделаны небольшие желоба из липы и березы, в которые стекали сладкие капли, стекающие с дерева.

Как только эти работы были завершены, мы все отправились в "барк шугар хауз", который стоял посреди прекрасной кленовой рощи на берегу реки Миннесота. Мы обнаружили, что эта хижина частично занесена зимним снегом и увядшими листьями предыдущей осени, и ее необходимо расчистить для нашего использования. Тем временем снаружи была разбита палатка на несколько дней. В лесу все еще лежал глубокий снег, покрытый твердой коркой, по которой мы могли легко ходить; обычно мы приходили в сахарню до того, как начинался сокодвижение, чтобы лучше завершить наши приготовления.

Моя бабушка не ограничивалась изготовлением каное. Она также собрала хороший запас топлива для костров, потому что у нее не будет много времени собирать хворост, когда начнут течь сок. Вскоре погода смягчилась, и снег начал таять. Апрель принес ливни, которые унесли большую часть воды в реку Миннесота. Теперь женщины начали проверять деревья — неторопливо передвигаясь между ними с топором в руке и нанося один быстрый удар, чтобы посмотреть, появится ли сок. Деревья, как и люди, имеют свой индивидуальный характер; некоторые были готовы отдать свою жизненную силу, в то время как другие действовали более неохотно. Теперь под каждым деревом было установлено по березовому тазику, а в выемку, проделанную топором, глубоко вогнали щепку твердой древесины. С уголков этой щепки — сначала капля за каплей, затем более свободно — сок стекал в маленькие тарелочки.

Из кленов обычно делают сахар, но индейцы срезали и несколько других деревьев. Из березы и ясеня изготавливали сахар темного цвета, с несколько горьковатым вкусом, который использовался в лечебных целях. Самшитовый бузина давал прекрасный белый сахар, единственным недостатком которого было то, что его никогда не хватало!

Теперь в сахарной мастерской был разведен большой огонь, и над огнем висел ряд медных котелков. Женщины собирали сок в жестяные или березовые ведра и выливали в каное, из которых держали наполненными чайники. Сердца мальчиков забились в приятном предвкушении, когда они услышали долгожданное шипение кипящего сока! Каждый мальчик взял по одному чайнику для своей особой надобности. В его обязанности входило следить за тем, чтобы под ним поддерживался огонь, следить, чтобы сок не перекипел, и, наконец, когда сок станет сиропообразным, пробовать его на снегу, черпая деревянной лопаткой. Эти пробы были настолько частыми, что в первые день или два мы съели почти все, что можно было приготовить; и только когда сладость начала надоедать, моя бабушка всерьез взялась запасать сахар впрок. Она делала из него лепешки различных форм, в березовых формочках, а иногда и в полых тростниках, а также клювы уток и гусей. Часть его была измельчена в порошок и упакована в ящики из сыромятной кожи. Будучи благоразумной женщиной, она не давала его нам после первого месяца или около того, за исключением особых случаев, и таким образом его хватило почти на год. Конфеты поменьше приберегались в качестве случайного угощения для малышей, а сахар ели на пирах с диким рисом или сушеной кукурузой, а также с толченым вяленным мясом. Кофе и чай, а также заменители их были нам в те дни неизвестны.

В каждом стремлении есть свои испытания и тревоги. Особыми неприятностями моей бабушки в сезон засахаривания были опрокидывание и прогрызание дырок в ее берестяных сковородках. Преступниками были племена кроликов и белок, и мы, маленькие мальчики, в кои-то веки оказались полезными, стреляя в них из наших луков и стрел. Мы охотились по всему сахарному лагерю, пока маленьких существ не изгнали из окрестностей. Иногда кто-нибудь из моих старших братьев приносил домой одного-двух кроликов, и тогда мы устраивали пир.

Я помню, что в связи с нашим последним выращиванием сахарного тростника в Миннесоте я однажды стоял возле нашей хижины и наблюдал за приближением посетителя — сгорбленного старика с почти седыми волосами, который нес на спине большую вязанку красной ивы, или кинникиника, которую индейцы используют для курения. Он бросил свою ношу у двери и таким образом приветствовал нас: "У вас действительно идеальная погода для производства сахара".

Это был мой прадед, Облачный Человек, чья родная деревня находилась на берегах озер Калхун и Харриет, ныне в пригороде города Миннеаполис. Он был первым вождем племени сиу, который приветствовал протестантских миссионеров среди своего народа, и хорошо известным персонажем в те дни первопроходцев. Он принес нам весть, что несколько мирных сахарозаводчиков неподалеку от нас на реке подверглись нападению и были убиты бродячими оджибвеями. Эта новость немало встревожила нас, поскольку мы поняли, что тоже можем стать жертвами военного отряда оджибвеев. Поэтому с этого времени мы все чувствовали некоторое беспокойство, пока не вернулись с тяжелыми грузами в нашу деревню.

IV

ИГРЫ И СПОРТ

Мальчик-индеец был принцем дикой природы. В период своего детства у него было очень мало работы. Его основным занятием было овладение несколькими простыми искусствами ведения войны и охоты. Помимо этого, он был хозяином своего времени.

Это правда, что наша дикая жизнь была опасной и полной ужасных катастроф; однако это никогда не мешало нам в полной мере наслаждаться нашими видами спорта. Покидая наши вигвамы утром, мы никогда не были уверены, что днем наши скальпы не будут болтаться на шесте! Конечно, это была неопределенная жизнь. И все же мы заметили, что олениа радостно прыгали и играли, в то время как серые волки, возможно, выглядывали из-за холмов, готовые разорвать их в клочья.

Наши виды спорта были сформированы жизнью и обычаями нашего народа; на самом деле, мы занимались только тем, чем собирались заниматься, когда вырастем. Нашими играми были упражнения с луком и стрелами, пешие бега и скачки на пони, борьба, плавание и подражание обычаям и привычкам наших отцов. Мы устраивали бутафорские бои с глиняными шариками и ивовыми палочками; мы играли в лакросс, воевали с пчелами, стреляли зимними стрелами (которые использовались только в то время года) и катались на ребрах животных и шкурах буйволов.

Как только мальчики собрались вместе, они, как обычно, разделились на отряды и выбрали сторону; затем первая стрела была выпущена наугад в воздух. Прежде чем он упал на землю, последовал залп из луков участников. Каждый игрок быстро отмечал направление и скорость ведущей стрелки и старался послать свою с той же скоростью и на равной высоте, чтобы при падении она была ближе к первой, чем любая из остальных.

Считалось неуместным стрелять, предварительно прицелившись в объект, на который нацелен. Обычно это было невыполнимо в реальной жизни, потому что объект почти всегда находился в движении, в то время как сам охотник часто находился на спине пони во весь опор.

Следовательно, мальчик-индеец стремился овладеть метким выстрелом. Была еще одна игра со стрелами, которая характеризовалась азартностью и, как правило, предназначалась только для мужчин.

Скачки были обычным явлением. В полдень мальчики обычно собирались у какой-нибудь приятной водной глади, и как только пони поились, им разрешалось пастись час или два, пока мальчики раздевались для своих полуденных забав. Мальчик мог бы сказать кому-нибудь другому, кого он считал равным себе:

- Я не умею бегать, но я вызову тебя на пятьдесят шагов.

Бывший герой, потерпев поражение, часто объяснял свое поражение словами: "Я выпил слишком много воды".

Мальчики всех возрастов разбились на пары для "вращения", и маленькие красные человечки с воодушевлением подбадривали своих любимцев.

Как только это закончилось, последовали скачки пони. Были отобраны все самые быстрые пони и выбраны наездники. Если бы мальчик отказался ехать верхом, раздались бы насмешливые крики.

Последним было плавание. Маленький сорванец цеплялся за длинный хвост своего пони, в то время как тот, держа над водой только голову, резво скользил по воде. Наконец животных загнали на прекрасное поле с травой, и мы переключили наше внимание на другие игры.

Борьба "грязь-и-ива" была довольно суровым и опасным видом спорта. Комок мягкой глины насаживали на конец гибкой и пружинистой ивовой палочки и бросали, как мальчишки бросают яблоки с палочек, со значительной силой. Когда с каждой стороны было по пятьдесят или сто игроков, битва становилась жаркой; но все, что могло пробудить храбрость индейских мальчиков, казалось им хорошим и благотворным развлечением.

Борьбой в основном увлекались все мы. Это может показаться странным, но борьбой занималось очень много мальчиков одновременно — от десяти до любого числа с каждой стороны. Это была настоящая битва, в которой каждый выбирал своего противника. Правило гласило, что если мальчик садился, его оставляли в покое, но пока он оставался стоять на поле, он был открыт для атаки. Никто не наносил ударов рукой, но разрешались всевозможные подножки ногами и брыкания коленями. В целом это было изматывающее времяпрепровождение, полностью сравнимое с американской игрой в футбол, и только молодой спортсмен мог по-настоящему наслаждаться им.

Одним из наших самых любопытных видов спорта была война с гнездами диких пчел. Мы воображали, что собираемся напасть на оджибвеев или еще какое-нибудь враждебное племя. Мы все покрасились и осторожно подкрались к гнезду; затем с порывом и боевым кличем набросились на объект нашей атаки и попытались уничтожить его. Но казалось, что пчелы всегда были начеку и никогда полностью не удивлялись, потому что они всегда снимали столько же скальпов, сколько и их смелые противники! После того как нападение на гнездо заканчивалось, мы обычно устраивали притворный танец скальпов.

Когда я впервые столкнулся с этим способом ведения войны, там были еще два маленьких мальчика, которые тоже были новичками. Особенно один из них был действительно слишком

молод, чтобы позволить себе подобный подвиг. Поскольку у нашего народа был обычай, когда они убивали или ранили врага на поле боя, громко объявлять об этом, мы сделали то же самое. Мой друг, Маленький Ран (так я буду называть его, поскольку не помню его имени), будучи совсем маленьким, не смог добраться до гнезда, пока оно не было хорошенько растоптано и разломано, а насекомые не предприняли контратаку с такой энергией, что отбросили нас и рассеяли во всех направлениях. Однако он, очевидно, не хотел отступать без всяких почестей, поэтому храбро запрыгнул на гнездо и закричал:

"Я, храбрая Маленькая Рана, сегодня убиваю единственного свирепого врага!"



Поэтому он храбро запрыгнул на гнездо.

Страница 32.

Едва были произнесены последние слова, как он закричал так, словно его ударили ножом в сердце. Один из его старших товарищей крикнул:

"Нырять в воду! Беги! Нырять в воду!", потому что поблизости было озеро. Этому совету он послушался.

Когда мы снова собрались и предались нашему мимическому танцу, Маленькой Ране не разрешили танцевать. Считалось, что его не существует — он был убит нашими врагами, Пчелиным племенем. Бедный малыш! Его распухшее лицо было печальным и пристыженным, когда он сидел на поваленном бревне и наблюдал за танцем. Хотя он вполне мог бы назвать себя одним из благородных мертвецов, павших за свою страну, все же он не забывал, что *кричал*, и эта слабость, вероятно, повторится с ним много раз в будущем.

У нас было несколько тихих игр, которые мы чередовали с более суровыми и воинственными. Среди них были метательные палочки и снежные стрелы. Зимой мы много путешествовали по побережью. У нас не было "двойных рыхлителей" или тобогганов, но шесть или семь длинных ребер буйвола, скрепленных вместе на более широком конце, подходили для всех практических целей. Иногда с большим мастерством использовалась полоска коры окуневого дерева длиной четыре фута и шириной около шести дюймов. Мы стояли на одном конце и держались за другой, используя скользкую внутреннюю часть коры вместо внешней, и таким образом спускались с длинных холмов с поразительной скоростью.

Вращение волчков было одним из всепоглощающих зимних видов спорта. Мы изготавливали волчки в форме сердца из дерева, рога или кости. Мы взбивали их длинным ремешком из оленьей кожи. Ручкой служила палка длиной около фута, и иногда мы обтачивали палку, придавая ей форму ложки с одного конца.

Мы играли в игры с этими волчками — от двух до пятидесяти мальчиков одновременно. Каждый крутит свой волчок, пока он не загудит; затем один выходит вперед, а остальные следуют за ним в своего рода гонке с препятствиями. Волчок должен вращаться до конца. Там были снежные полосы, над которыми мы должны были управлять волчком с помощью ложки нашего хлыста; затем мы снова подбрасывали его в воздух на другое открытое место льда или гладкую снежную корку на расстоянии двадцати-пятидесяти шагов от нас. Топ, который продержится дольше всех, становится победителем.

Мы любили играть в воде. Когда у нас не было пони, мы часто устраивали собственные соревнования по плаванию, а иногда мастерили плоты, на которых переплывали озера и реки. Обычным делом было "пригнуться" к молодому или робкому мальчику или затащить его на глубину, чтобы он боролся изо всех сил.

Я помню опасную поездку с товарищем по неуправляемому бревну, когда нам обоим было меньше семи лет. Мальчики постарше посадили нас на эту неуверенную лодку и вытолкнули в быстрое течение реки. Я не могу говорить за своего товарища по несчастью, но сейчас я могу сказать, что предпочел бы в любой день прокатиться верхом на быстром бронко, чем пытаться удержаться на месте и удержать короткое бревно в реке. Я так и не понял, как нам удалось предотвратить кораблекрушение в том плавании и добраться до берега.

У нас было много любопытных диких домашних животных. Там были лисята, медведи, волки, еноты, оленята, телята буйволов и птицы всех видов, которых приручали разные мальчики. В

разное время у меня были разные домашние животные, но мне особенно запомнился один. Когда-то у меня был домашний медведь гризли, и что касается нас с ним, то наши отношения были очаровательными и очень близкими. Но я не знаю, кто нажил больше врагов - он для меня или я для него. У него была привычка безжалостно обращаться с каждым мальчиком, который причинял мне боль.

V

ОБУЧЕНИЕ ИНДИЙСКОГО МАЛЬЧИКА

Очень рано индийский мальчик взял на себя задачу сохранения и передачи легенд о своих предках и своей расе. Почти каждый вечер кто-нибудь из родителей или бабушек рассказывал миф или правдивую историю о каком-нибудь деянии, совершенном в прошлом, в то время как мальчик слушал с приоткрытыми губами и блестящими глазами. Обычно на следующий вечер от него требовали повторить это. Если он не был способным учеником, он долго боролся со своей задачей; но, как правило, индийский мальчик - хороший слушатель и обладает хорошей памятью, так что рассказы были усвоены сносно. Домочадцы стали его аудиторией, которая попеременно критиковала его и аплодировала.

Такого рода обучение сразу просвещает ум мальчика и стимулирует его честолюбие. Его представление о собственной будущей карьере становится яркой и непреодолимой силой. Чему бы ему ни предстояло научиться, он должен научиться; какие бы качества ни были необходимы по-настоящему великому человеку, он должен стремиться к этому любой ценой опасностей и лишений. Таково было чувство молодого индейца с богатым воображением и храбростью. В юности ему стало очевидно, что он должен приучить себя бродить в одиночестве и не бояться и не испытывать неприязни к впечатлению одиночества.

Кажется, популярно мнение, что все характерные навыки индейца инстинктивны и передаются по наследству. Это ошибка. Весь стоицизм и терпение индейца являются приобретенными чертами, и только постоянная практика делает его мастером в искусстве изготовления изделий из дерева. Не пренебрегали физическими упражнениями и диетой. Я помню, что мне не разрешили есть говяжий суп или какие-либо теплые напитки. Суп предназначался для стариков. Общими правилами для молодежи было никогда не принимать пищу очень горячей и не пить много воды.

Мой дядя, который воспитывал меня до пятнадцатилетнего возраста, был сторонником строгой дисциплины и хорошим учителем. Когда я уходил из вигвама утром, он говорил: "Хакада, присматривайся ко всему, что видишь"; а вечером, по моему возвращению, он часто в течение часа или около того поучал меня.

"С какой стороны деревьев кора светлее? С какой стороны у них самые правильные ветви?"

У него был обычай давать мне имена всем новым птицам, которых я видел в течение дня. Я бы называл их в соответствии с цветом или формой клюва, или их песней, или внешним видом и местоположением гнезда — словом, со всем, что производило на меня впечатление характерного в птице. Должен признать, я допустил много нелепых ошибок. Затем он обычно сообщал мне правильное имя. Иногда я добивался успеха, и он горячо хвалил это.

Он гораздо глубже погрузился в эту науку, когда я был немного старше, то есть примерно в возрасте восьми или девяти лет. Он говорил, например:

- Откуда ты знаешь, что в том озере есть рыба?

"Потому что они выпрыгивают из воды за мух в полдень".

Он улыбался моему быстрому, но поверхностному ответу.

Что вы думаете о маленьких камешках, сгруппированных под мелководьем? и что оставило красивые изогнутые следы на песчаном дне и небольших песчаных отмелях? Где вы находите птиц, питающихся рыбой? Имеют ли вход и выход из озера какое-либо отношение к этому вопросу?"

Он не ожидал сразу правильного ответа на все вопросы, которые задавал мне в таких случаях, но он хотел сделать меня наблюдательным и хорошим изучающим природу.

"Хакада, - говорил он мне, - тебе следует последовать примеру шунктокеча (волка). Даже когда он удивлен и бежит, спасая свою жизнь, он остановится, чтобы еще раз взглянуть на вас, прежде чем войти в свое последнее убежище. Поэтому вы должны еще раз взглянуть на все, что видите.

"Лучше наблюдать за животными незамеченным. Я был свидетелем их ухаживаний и ссор и таким образом узнал многие из их секретов. Однажды я был невидимым зрителем захватывающей битвы между парой медведей гризли и тремя буйволами — опрометчивый поступок со стороны медведей, поскольку это было в день земляничной луны, когда буйволы затачивают и полируют свои рога для кровавых состязаний между собой.

- Я советую тебе, мой мальчик, никогда не приближаться к логову гризли спереди, а подкрасться сзади и бросить перед норой свое одеяло или камень. Обычно он не бросается наутек, но сначала высовывает голову и прислушивается, а затем очень безразлично выходит и садится на корточки на холмике перед норой, прежде чем предпринять какую-либо атаку. Пока он выставляет себя напоказ таким образом, целитесь ему в сердце. Всегда будьте хладнокровны, как само животное ". Таким образом, он вооружил меня против коварства диких зверей, научив, как их перехитрить.

"На охоте, - продолжал он, - вы будете руководствоваться повадками животного, которого вы ищете. Помните, что лось держится на болотистой или низменной местности или между высокими горами возле источника или озера от тридцати до шестидесяти дней подряд. Большая часть крупной дичи постоянно перемещается, за исключением самки весной; тогда очень легко найти ее вместе с олененком. Спрячьтесь в удобном месте, как только заметите какие-либо признаки присутствия кого-либо из них, а затем позвоните своему березовому оленю-абоненту.

Тот, кто услышит вас первым, вскоре появится поблизости. Но вы должны быть очень бдительны, иначе большая дикая кошка может сделать из вас олененка. Они прекрасно понимают характерный зов самки самки.

"Когда у вас возникают какие-либо трудности с медведем или дикой кошкой — то есть, если это существо проявляет какие-либо признаки намерения напасть на вас, - вы должны дать ему

полностью понять, что вы видели его и осведомлены о его намерениях. Если вы не очень хорошо экипированы для серьезной битвы, единственный способ заставить его отступить - это взять длинный заостренный шест вместо копья и броситься на него. Ни один дикий зверь не столкнется с этим, если только он не загнан в угол и уже не ранен. Эти свирепые звери обычно боятся обычного оружия более крупных животных — рогов, — и если они очень длинные и острые, они не осмеливаются рисковать в открытом бою.

"Из этого правила есть одно исключение — серый волк яростно нападает, когда очень голоден. Но их храбрость зависит от их численности; в этом они похожи на белых людей. Один или два волка никогда не нападут на человека. Они обращают в паническое бегство стадо буйволов, чтобы добраться до телят; они бросаются на стадо антилоп, потому что те беспомощны; но они всегда осторожны, когда нападают на человека".

Такого рода наставления давал мой дядя, который в то время был широко известен как один из величайших охотников своего племени.

От всех мальчиков ожидалось, что они будут переносить трудности без жалоб. В условиях жестокой войны молодой человек, конечно, должен быть спортсменом и привыкать переносить всевозможные лишения. Он должен быть способен обходиться без пищи и воды в течение двух или трех дней, не проявляя никакой слабости, или бегать день и ночь без всякого отдыха. Он должен быть способен пересечь непроходимую и дикую местность, не сбиваясь с пути ни днем, ни ночью. Он не может отказаться делать что-либо из этих вещей, если он стремится быть воином.

Иногда мой дядя будил меня очень рано по утрам и предлагал поститься вместе с ним весь день. Мне пришлось принять вызов. Мы намазали наши лица углем, чтобы каждый мальчик в деревне знал, что я весь день постился. Тогда маленькие искусители превратили бы мою жизнь в мучение, пока милосердное солнце не скроется за западными холмами.

Я с трудом могу вспомнить то время, когда мой суровый учитель начал внезапно издавать боевые кличи над моей головой по утрам, пока я крепко спал. Он ожидал, что я вскочу с совершенным присутствием духа, всегда готовый схватиться за какое-нибудь оружие и издать в ответ пронзительный вопль. Если я был сонным или испуганным и едва понимал, что делаю, он высмеивал меня и говорил, что мне никогда не нужно дорого продавать свой скальп. Часто он менял эту тактику, стреляя из ружья прямо за пределами сторожки, пока я еще спал, одновременно издавая леденящие кровь вопли. Через некоторое время я привык к этому.

Когда индейцы вступали на тропу войны, у них был обычай тщательно испытывать новых воинов, прежде чем вступать в бой. Например, когда они находились рядом с вражеским лагерем, они отбирали новичков, чтобы те ходили за водой, и заставляли их делать всевозможные вещи, чтобы доказать свою храбрость. В соответствии с этой идеей мой дядя обычно отправлял меня за водой, когда мы разбивали лагерь после наступления темноты в незнакомом месте. Возможно, эта местность была полна диких зверей, и, насколько я знал, в этих самых окрестностях могли скрываться разведчики враждебных банд индейцев.

Но я никогда не возражал, потому что это было бы проявлением трусости. Я пробрался через лес, окунул ведро в воду и поспешил обратно, всегда стараясь производить как можно меньше шума, как кошка. Будучи всего лишь мальчиком, мое сердце подпрыгивало при каждом треске сухой ветки или отдаленном уханье совы, пока, наконец, я не добрался до нашего вигвама.

Тогда мой дядя, возможно, сказал бы: "Ах, Хакада, ты настоящий воин!" - вылей драгоценное содержимое ведра и прикажи мне сходить во второй раз.

Представьте, что я чувствовал! Но я хотел быть храбрым человеком так же сильно, как белый мальчик хочет стать великим юристом или даже президентом Соединенных Штатов. Я молча брал ведро и пытался вернуться по своим следам в темноте.

При всем этом нашими манерами и моралью не пренебрегали. Меня научили уважать взрослых, особенно пожилых. Мне не разрешалось ни участвовать в их дискуссиях, ни даже говорить в их присутствии, если меня об этом не просили. Индийский этикет был очень строгим, и среди требований было то, чтобы избегать прямого обращения. Термин родства или какой-либо титул вежливости обычно использовался вместо личного имени теми, кто хотел проявить уважение. Нас учили щедрости по отношению к бедным и благоговению перед "Великой тайной". Религия была основой всего индийского обучения.

VI

МАЛЬЧИК - ОХОТНИК

Разница между индейскими мальчиками, выросшими в открытых прериях, и мальчиками, живущими в лесах, была почти такой же большой, как между городскими и сельскими мальчиками. Охота мальчиков из прерий была ограниченной, а их знания естественной истории несовершенными. Они были, как правило, хорошими наездниками, но во всестороннем физическом развитии значительно уступали краснокожим жителям леса.

Наша охота менялась в зависимости от времени года и природы страны, которая в то время была нашим домом. Нашим главным оружием были лук и стрелы, и, возможно, если нам повезет, у кого-нибудь из толпы нашелся бы нож. В старину ножи и топоры делали из кости и острых камней.

Для разжигания огня мы использовали кремнь с губчатым куском сухого дерева и камень для удара. Другой способ разжечь костер состоял в том, что несколько мальчиков садились в кружок и терли друг о друга два куска сухого, губчатого дерева, один за другим, пока дрова не загорались.

Мы много охотились в компании, хотя для мальчика было обычным делом отправляться в лес совсем одному, и обычно он получал от этого полное удовольствие. Наша добыча состояла в основном из мелких птиц, кроликов, белок и тетеревов. Рыбалка тоже занимала большую часть нашего времени. Мы почти никогда не проходили мимо ручья или пруда, не поискав каких-нибудь признаков рыбы. Когда была рыба, нам всегда удавалось раздобыть немного. Лески для ловли рыбы делали из дикой конопля, сухожилий или конского волоса. Мы либо ловили рыбу с помощью лески, ставили силки или протыкали ее копьём, либо стреляли в нее из лука и стрел. Осенью мы поднимали ее на поверхность, слегка щекоча палкой, и быстро выбрасывали. Иногда мы запрудили ручьи и загоняли крупную рыбу в ивовую корзину, сделанную специально для этой цели.

Поиск новых и странных вещей в лесу был частью нашей охоты. Мы осматривали малейшие признаки жизни; и если птица соскребала листья с земли или медведь утаскивал корень для своей утренней трапезы, мы останавливались, чтобы порассуждать о времени, когда это было сделано. Если мы видели большое старое дерево с несколькими царапинами на коре, мы приходили к выводу, что там, должно быть, живет медведь или несколько енотов. В том случае мы не подошли ближе, чем было необходимо, но позже сообщили об инциденте дома. Старый олений след сразу же вызвал бы горячую дискуссию о том, был ли это след самца или лани. Как правило, в полдень мы встречались и сравнивали нашу дичь, отмечая при этом особые характеристики всего, что мы добыли. Это была не просто охота, поскольку мы сочетали с ней изучение жизни животных. Мы также строго следили за нашей игрой и, таким образом, узнали, кто был лучшим стрелком среди мальчиков.

Мне жаль говорить, что мы были безжалостны к птицам. Мы часто забирали их яйца и птенцов. Мой брат Чатанна и я однажды пережили неприятное приключение во время охоты на птиц. Летом мы привыкли ловить руками молодых уток и гусей, и, занимаясь этим, случайно наткнулись на журавлиное гнездо. Конечно, мы были в восторге от нашей удачи. Но так как была уже середина лета, молодые журавли — всего два — были довольно крупными и находились недалеко от гнезда; мы также заметили, что два старых журавля находились неподалеку на болотистом месте; но, поскольку было время линьки, мы не предполагали, что они отважатся выйти на сушу. Итак, мы продолжили преследовать молодых птиц, но они были быстрыми бегунами, и нам потребовалось некоторое время, чтобы догнать их.

Тем временем птицы-родители слышали крики своих птенцов и пришли им на помощь. Они гнались за нами, в то время как мы преследовали птиц. Это была действительно опасная встреча! Наши сильные луки в конце концов одержали победу в рукопашной схватке с разъяренными журавлями; но после этого мы почти никогда не охотились на журавлиные гнезда. Почти все птицы оказывают некоторое сопротивление, когда у них отнимают яйца или птенцов, но они редко бесстрашно нападают на человека.

Раньше мы лазали по большим деревьям в поисках птиц всех видов, но никогда не брались добывать молодых сов, если они не были на земле. Ухающая сова особенно опасна для нападения при таких обстоятельствах.

Однажды я пытался поймать желтокрылого дятла в его гнезде, когда моя рука вывернулась и застряла в глубокой яме, так что я не мог вытащить ее без помощи ножа; но мы были далеко от дома, и моим единственным спутником был мой глухонемой двоюродный брат. Я был примерно в пятидесяти футах на дереве, в очень неудобной позе, но мне пришлось ждать там больше часа, прежде чем он принес мне нож, с помощью которого я, наконец, освободился.

Наши устройства для отлова мелких животных были грубыми, но часто они оказывались успешными. Например, мы обычно собирали несколько крупных, заостренных колючек и разбрасывали их по тропинке, похожей на бороздку кролика. Утром мы находили малыша спокойно сидящим на своих местах, не в силах пошевелиться, потому что к его ногам прилипли колючки.

Другой способ ловли в силки кроликов и тетеревов заключался в следующем: мы делали петли из скрученного конского волоса, которые очень крепко привязывали к верхушке молодого гибкого деревца, затем пригибали последнее к тропе и завязывали все это скользящим узлом,

предварительно отрегулировав петлю. Когда кролик просовывает голову в петлю, он затягивает скользящий узел, и пружина молодого дерева быстро уносит его наверх. Это хороший план, потому что кролику ничего не грозит, поскольку он парит высоко в воздухе.

Пожалуй, самой приятной из всех была охота на бурундука. Мы убивали этих животных в любое время года, но особое время для охоты на них было в марте. После первой оттепели бурундуки роют нору в снежном насте и появляются впервые за сезон. Иногда до пятидесяти человек собираются вместе и устраивают дружескую встречу. Эти сборища происходят ранним утром, с рассвета примерно до девяти часов.

Мы, мальчики, узнали это среди других секретов природы и в удачный сезон собрали наши стрелы с тупыми наконечниками для экспедиции на бурундука.

Обычно мы ходили группами от шести до дюжины или пятнадцати человек, чтобы посмотреть, кто получит больше всего. Накануне вечером мы отобрали нескольких мальчиков, которые могли имитировать крик бурундука с помощью овсяной соломки, и каждый из них запасся соломинками.

Корочка прекрасно сохранит вкус мальчиков в это время года. Рано утром все они собираются в условленном месте, откуда каждая группа отправляется в своем направлении, договорившись встретиться где-нибудь в заданном положении солнца.

Мой первый опыт такого рода я до сих пор хорошо помню. Было прекрасное, свежее мартовское утро, и солнце еще не показалось из-за далеких верхушек деревьев, когда мы спешили по призрачному лесу. Вскоре мы добрались до места, где было много признаков присутствия животных. Затем каждый из нас выбрал дерево и занял свою позицию за ним. Зовущий бурундука сел на бревно так неподвижно, как только мог, и начал звать.

Вскоре мы услышали топот маленьких ножек по твердому снегу; затем увидели приближающихся со всех сторон бурундуков. Некоторые останавливались и для пробы взбегали на дерево или бревно, как будто не были уверены в точном направлении зова; другие гонялись друг за другом.

Через несколько минут они окружили зовущего бурундука. Одни пробежали по всему его телу, другие под ним, а третьи взбежали на дерево, к которому он прислонился. Каждый мальчик оставался неподвижным, пока их вожак не подал сигнал; затем раздался громкий крик, и бурундуки в своем бегстве разбежались по разным деревьям.

Теперь начался матч по стрельбе. Маленькие существа, казалось, осознали свое безнадёжное положение; они снова и снова пытались спуститься с деревьев и убежать от смертельной цели юных охотников. Но их очень быстро сбивали, и всякий раз, когда несколько из них бросались к земле, маленький краснокожий прижимался к дереву и отчаянно кричал, чтобы снова напугать их.

Каждый мальчик всегда стреляет в ствол дерева, чтобы стрела каждый раз возвращалась к нему; в противном случае, когда он расстреляет их всех, он будет беспомощен, а другой, очистивший свое дерево, придет и заберет его дичь, так что возникло жаркое соперничество. Иногда отчаявшийся бурундук прыгал с верхушки дерева, чтобы спастись, что считалось шуткой над мальчиком, который потерял его, и триумфом храброго маленького животного.

Наконец все были убиты или ушли, и тогда мы отправились в другое место, продолжая заниматься этим видом спорта до тех пор, пока не выглянуло солнце и бурундуки не отказались отвечать на зов.

VII

ВЕЧЕР В СТОРОЖКЕ

Я катался на коньках в той части озера, где был разлив, и вернулся домой несколько замерзшим. Я не могу точно сказать, насколько было холодно, но, должно быть, было очень холодно, потому что деревья вокруг меня трещали, как pistolетные выстрелы. Я не возражал, потому что был закутан в свою бизонью шкуру, убрав волосы внутрь, и широкий кожаный пояс стягивал ее вокруг моих чресел. Мои коньки были всего лишь полосками коры липы, привязанными к моим ногам.

Я снял свои замерзшие мокасины и надел вместо них сухие.

- Где ты был и что делал? - Спросила Унчида, ставя передо мной в деревянной миске жареную оленину. - Вы видели какие-нибудь следы лося или медведя?

- Нет, бабушка, я только играл на нижней оконечности озера. Я хочу тебя кое о чем спросить, - сказал я, доедая свой обед и ужиная вместе со всем аппетитом голодного мальчишки, который полдня катался на коньках по холоду.

- Я нашла это перо, бабушка, и не смогла понять, в каком племени носят перья такой формы.

"Фу, я не мужчина; тебе лучше спросить своего дядю. Кроме того, к этому времени ты должен был бы знать это сам. Теперь ты достаточно взрослый, чтобы думать об орлиных перьях.

Я почувствовал себя оскорбленным этим напоминанием о моем невежестве. Мне показалось, что я был недостаточно амбициозен, чтобы разобраться во всех этих вопросах раньше.

- Дядя, ты ведь расскажешь мне, правда? - Спросила я умоляющим тоном.

- Я удивлен, мой мальчик, что ты не узнал это перо. Это целительское перо племени кри, а не воина.

- Тогда, - сказал я в сильном смущении, - тебе лучше еще раз рассказать мне, дядя, о языке перьев. Я действительно все это забыл".

День уже прошел; взошла луна; но холод не уменьшился, потому что стволы деревьев все еще трещали вокруг нашего вигвама, который был освещен и согрет огромными бревнами, заготовленными трудолюбием Унчиды. Теперь мой дядя, Белый След, взялся объяснить мне значение орлиного пера.

"Орел - самая воинственная птица, - начал он, - и самая царственная из всех птиц; кроме того, его перья не похожи ни на какие другие, и именно по этим причинам наш народ использует их для обозначения подвигов храбрости.

"Неправда, что когда человек носит шляпу из перьев, каждое из них символизирует убийство врага или даже *государственный переворот*. Когда человек носит на голове орлиное перо торчком, считается, что он засчитал своему врагу один из четырех *переворотов*".

- Значит, *государственный переворот* не означает убийства врага?

"Нет, это последствия удара или прикосновения к телу после того, как он упал. Это так заведено, потому что часто прикоснуться к врагу гораздо труднее, чем выстрелить в него издалека. Требуется сильное сердце, чтобы встретиться лицом к лицу со всем корпусом врага, чтобы засчитать *победу* на стороне павшего, который лежит под прикрытием огня своих сородичей. Во время этой попытки погибло много храбрецов.

Когда воин приближается к своему врагу, живому или мертвому, он призывает других воинов в свидетели, говоря: "Я, Бесстрашный Медведь, ваш храбрец, снова совершаю храбрый поступок, считая первый (или второй, или третий, или четвертый) *удар* по телу храбрейшего из ваших врагов". Естественно, присутствующие увидят этот акт и смогут засвидетельствовать его. Когда они возвращаются, герольды, как вы знаете, публично объявляют обо всех таких доблестных поступках, которые затем становятся частью военной биографии этого человека. Любой храбрец, желающий носить орлиное перо, должен доказать свое право на это.

"Когда храбрец получает ранение в том же сражении, где он засчитал свой *удар*, он носит перо, свисающее вниз. Когда он ранен, но не считает, он обрезает свое перо, и в этом случае это не обязательно должно быть орлиное перо. Все остальные перья - просто украшения. Когда воин носит перо с круглой отметиной, это означает, что он убил своего врага. Когда метка вырезана на пере и окрашена в красный цвет, это означает, что с него сняли скальп.

"Храбрец, добившийся успеха в десяти битвах, имеет право на боевую шляпу; а если он признанный лидер, ему разрешается носить шляпу с длинными, ниспадающими перьями. Также те, кто насчитал много *переворотов*, могут подклеить кончики перьев кусочками белого или цветного пуха. Иногда к орлиному перу прикрепляют полоску шкурки ласки; это означает, что владелец имел честь убить, снять скальп и нанести врагу первый *удар* одновременно.

"Это перо, которое вы нашли, носил кри - оно раскрашено без разбора. Все остальные перья, которые носят простые индейцы, ничего не значат", - добавил он.

- Скажи мне, дядя, прилично ли мне вообще носить какие-либо перья, если я никогда не ходил по тропе войны.

"Вы могли бы носить любые другие перья, но не орлиные, - ответил мой дядя, - хотя иногда их надевают по важным поводам дети известных людей, чтобы подчеркнуть достоинство и положение отца".

Костер немного потух, поэтому я сбила угли вместе и поплотнее закуталась в халат. Время от времени лед на озере лопался с громким звуком, подобным раскату грома. Унчида была занята тем, что натягивала один из старых дядиных снегоступов. Он носил две разные вещи: одну с прямым и длинным носком, другую покороче и с загнутым носком. Она закрепила одну туфлю носком вниз, между палками, вбитыми в землю, пока вставляла новые завязки и затягивала остальные. Тетя Четыре Звездочки вышивала бисером новую пару мокасин.

У пса Вабеда, товарища моего детства, были неприятности, потому что он настоял на том, чтобы принести в вигвам лишнюю кость, в то время как Унчида был решительно настроен, чтобы он этого не делал. Я сочувствовал ему, потому что видел дело так же, как и он. Если бы он закопал его в снег снаружи, я знал, что Шунктокеча (койот) наверняка украл бы его. Я прекрасно знал, как Вабеда беспокоился о своей кости. Это была жирная кость — я имею в виду кость жирного оленя; а все индейцы знают, насколько они лучше других.

Вабеда всегда терпеть не мог, когда что-то хорошее пропадало даром. Его глаза говорили мне многое, потому что мы с ним были друзьями долгое время. Когда я чего-нибудь боялся в лесу, он сразу становился передо мной и мягко вилял хвостом. Он всегда старался смотреть мне прямо в лицо. Его добрые, большие глаза давали мне тысячу заверений. Когда я был в замешательстве, он крутился рядом со мной, пока не разбирался в ситуации. Много раз я верил, что он спасал мне жизнь, вовремя произнося собачье слово.

Большинство животных, даже опасный гризли, не хотят, чтобы их видели, когда поблизости находятся двуногий и его собака. Когда я опасался, что медведь или серый волк застигнут меня врасплох, я говорил Вабеде: "А теперь, мой пес, издай свой боевой клич!" - и он немедленно садился на задние лапы и лаял, "чтобы отбить ритм", как говорите вы, белые мальчики. Когда медведь или волк услышат шум, он будет склонен отступить.

Иногда я помогал Вабеде и сам издавал боевой клич. Это тоже отогнало оленя, но мне стало легче на душе.

Поэтому, когда он обратился ко мне по этому поводу, я сказал: "Пойдем, мой пес, закопаем твою кость так, чтобы ни один Шунктокеча не взял ее".

Он, казалось, остался доволен моим предложением, и мы вышли вместе.

Мы выкопали в снегу и закопали нашу кость, завернутую в кусок старого одеяла, частично обгоревшего; затем снова засыпали ее снегом. Мы знали, что койот не притронется ни к чему горелому. Я не стал вешать его на дерево, потому что Вабеда всегда возражал против этого, и я взял за правило при любой возможности консультироваться с его пожеланиями.

Я вошел, и Вабеда последовал за мной с двумя короткими ребрышками во рту. Очевидно, он не хотел рисковать этими деликатесами.

"Вот, - воскликнула Унчида, - ты все еще настаиваешь на том, чтобы принести какую-нибудь косточку!" но я умоляла ее позволить ему обглодать их изнутри, потому что было так холодно. Получив эту привилегию, он устроился у меня за спиной, и я погрузился в изучение нескольких особенно красивых стрел, которые делал дядя.

"О, дядя, ты должен надеть им всем по три пера, чтобы они могли летать прямо", - предложила я.

"Да, но если перьев всего два, они полетят быстрее", - ответил он.

"Вау!" Вабеда высказал свои подозрения.

- Ух ты! - повторил он и бросился ко входу в вигвам. Уходя, он опрокинул меня ногой и разбросал горящие угли.

- Эн на хе на! - Эн на хе на! - воскликнула Унчида, но он уже был снаружи.

"Вау, вау, вау! Вау, вау, вау!"

Глубокий гортанный голос ответил ему. Я бросился вон с луком и стрелами в руке.

- Идем, дядя, идем! Большой коричный медведь! - Крикнул я, выходя из вигвама.

Дядя выскочил и в мгновение ока пустил стрелу в сердце медведя. Животное упало замертво. Он как раз начал выкапывать кость Вабеды, когда чуткий слух собаки уловил звук.

- Ах, дядя, нам с Вабедой следовало бы заполучить для этого хотя бы маленькое орлиное перо! Я тоже послал свою маленькую стрелу в медведя, прежде чем он упал", - воскликнул я. "Но я думал, что все медведи должны быть в своих норах зимой. Что этот человек делал в такое время года и ночью?"

"Что ж, - сказал мой дядя, - я расскажу тебе. Среди племен есть ленивые от природы. Коричный медведь - самый ленивый в своем племени. Зимой он один спит на улице, и поскольку у него нет теплой постели, он вскоре проголодался. Иногда он живет в дупле дерева, где устраивает постель из сухой травы; но когда ночь очень холодная, как сегодня, ему приходится передвигаться, чтобы не замерзнуть, и, бродя вокруг, он проголодался".

Мы втащили огромную тушу в наш домик. - О, какие у него красивые когти, дядя! - Воскликнул я с нетерпением. "Могу я взять их для своего ожерелья?"



"О, какие у него красивые когти, дядя!" - Воскликнул я с нетерпением.
Страница 69.

- Только старые знахари носят их регулярно. Сын великого воина, убившего гризли, может надеть их по торжественному случаю", - объяснил он.

- И ты такой же, как мой отец, и считаешься лучшим охотником среди Санти и сиссетонов. Ты убил много гризли, так что никто не может возразить против моего ожерелья из медвежьих когтей, - умоляюще сказал я.

Белый отпечаток ноги улыбнулся. "Мальчик мой, ты получишь их, - сказал он, - но всегда лучше заработать их самому". Он аккуратно обрезал когти для моего использования.

- Скажи мне, дядя, ты мог бы носить эти когти все время? - Спросил я.

"Да, я имею право носить их, но они такие тяжелые и неудобные", - ответил он с видом превосходства.

Наконец медведь был освежеван и одет, и мы все вернулись на свои обычные места. Унчида была особенно рада, что у нее осталось еще немного жира для приготовления пищи.

- А теперь, бабушка, расскажи мне историю о медвежьем сале. Я буду так счастлива, если ты согласишься, - попросила я.

"Это хорошая история, и она правдива. Ты должен знать ее наизусть и извлечь из нее урок", - ответила она. "Это было в лесах Миннесоты, в стране, которая сейчас принадлежит оджибвеям. Из деревни Бедавакантон-сиу молодая супружеская пара отправилась в лес за свежей олениной. Снег был глубоким, лед толстым. Далеко в лесу они разбили свой одинокий вигвам. Молодой человек был известным охотником, а его жена - хорошей девушкой из деревни.

"Он охотился исключительно в снегоступах, потому что снег был очень глубоким. Его жене тоже пришлось надеть снегоступы, чтобы добраться до места, где они разбили палатку. В тот день, когда они вышли, наступила оттепель, так что их путь был отчетлив после того, как снова наступили заморозки.

Молодой человек убил много оленей и медведей. Его жена была очень занята тем, что готовила мясо и пробовала жир, пока он каждый день был на охоте. По вечерам она продолжала пробовать жир. Он сел с одной стороны вигвама, а она - с другой.

Однажды вечером она только что поставила остывать котел с жиром и, заглянув в горячий жир, увидела лицо скаута-оджибвея, смотрящего на них сверху вниз через дымовое отверстие. Она ничего не сказала и никак не выдала себя.

Через некоторое время она сказала своему мужу естественным голосом: "Марпитопа, кто-то смотрит на нас через дымовое отверстие, и я думаю, что это вражеский разведчик".

Затем Марпитопа (Четырехбогий) взял свой лук и стрелы и начал выпрямлять и сушить их для охоты на следующий день, разговаривая и смеясь при этом. Внезапно он повернулся и послал стрелу вверх, убив оджибвея, который упал замертво у своей двери.

"Скорее, Вадута! - воскликнул он. - Ты должен поспешить домой по нашему следу. Я останусь здесь. Когда этот разведчик не вернется, военный отряд может прийти целым или послать другого разведчика. Если придет только один, я смогу вскоре расправиться с ним, а затем последую за вами. Если я этого не сделаю, они настигнут нас во время полета.

"Вадута (Скарлет) протестовала и умоляла позволить ей остаться с мужем, но в конце концов она уехала за подкреплением.

Затем Марпитопа (Четырехбогий) подбросил в огонь побольше хвороста, чтобы вигвам был ярко освещен, и указал ему дорогу. Затем он снял скальп с врага и пошел по его следу, пока не наткнулся на вывороченный корень большого дерева. Там он разложил свои стрелы и обнажил томагавк.

Вскоре военный отряд оджибвеев послал еще двух разведчиков посмотреть, в чем дело и почему первый не вернулся. Он услышал их приближение. Они были вснегоступах. Когда они приблизились к нему, он пустил стрелу в переднего. Что касается другого, то при попытке быстро развернуться его снегоступы застряли в глубоком снегу и задержали его, так что Марпитопа убил их обоих.

Он быстро взял скальпы и последовал за Вадутой. Он бежал изо всех сил. Но оджибвеи заподозрили неладное и, придя в одинокий вигвам, обнаружили, что все их разведчики были убиты. Они последовали по тропе Марпитофа и Вадута к главной деревне, и там произошла великая битва на льду. Многие были убиты с обеих сторон. Именно после этого сиу переселились к реке Миссисипи".

К этому времени мне захотелось спать, и я завернулся в свою бизонью шкуру и заснул.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИИ НАСТОЯЩИХ ИНДЕЙЦЕВ

Я

ДЕТСТВО ВАЙНОНЫ

Тише, тише, малышка!

Будь храброй и не плачь!

Духи не спят;

Это они повелевают

Женщине - боль.

Тише, тише, малышка!

Итак, все терпит,

Новый обмен подарками

Из вышеперечисленного—

Женщине - любовь.

— *Колыбельная индейцев сиу.*

"Чинто, вейанна! Да, действительно, она настоящая маленькая женщина ", - заявляет пожилая бабушка, принимая и критически рассматривая крошечную частичку человечества.

Нет никаких замечаний относительно цвета его волос или глаз, настолько черных, что они кажутся почти голубыми, но пожилая женщина внимательно разглядывает нежный профиль детского личика.

- Ах, у нее нос, как у ее предков! Губы тонкие, как лист, а глаза яркие, как звезды в разгар зимы!" - восклицает она, передавая пушистый сверток другой бабушке для осмотра.

"Токи! она достаточно хорошенькая, чтобы заслужить огонек вечерней звезды", - замечает этот улыбающийся персонаж.

- А как ее будут звать?

- Вайнона, Первенец, конечно. Это ее по праву рождения.

- И все же это может ей не подойти. Нужно доказать, что ты достойна, чтобы сохранить это почетное имя.

"Фу, - возражает первая бабушка, - по крайней мере, она может вынести это на испытательном сроке!"

"Тише, тише", - соглашается другой.

Таким образом, потерявшая сознание маленькая Вайнона прошла первый этап крещения индейцем.

Вскоре она завернута в мягкую белую оленью шкуру, хорошо подбитую пухом рогоза, и плотно зашнурована в вертикальной дубовой колыбели, спереди которой находится богато расшитая сумка из оленьей кожи, с пышной бахромой которой свисают иглы дикобраза и олени копыта. Эту веселую колыбельку пристегивают к спине второй бабушки, и этот сановник уходит вместе с новоприбывшей.

"Ты должен пойти со мной", - говорит она. "Мы пойдем среди деревьев отца и матери и послушаем, как они говорят на своих тысячах языков, чтобы ты мог навсегда узнать их язык. Я повешу колыбель женщины-младенца на Утуху, дуб; и она услышит любовные вздохи сосновой девы!"

Таким образом, Вайнона знакомится с природой и сразу становится "рожденной от природы", в соответствии с верованиями и обычаями дикого краснокожего человека.

Новорожденную девочку называют Вайноной в течение нескольких месяцев, пока не вызывают знахаря и не просят публично назвать первенца дочери Четонски, Белого Ястреба; но только после того, как он получит в подарок хорошего пони с прекрасно раскрашенной шкурой бизона. Обычно присваивается другое имя, помимо имени "Перворожденной", которое может быть восстановлено позже, если девушка окажется достойной. Имя Вайнона подразумевает много чести. Это означает милосердие, доброту, отзывчивость - все, чем должна быть старшая сестра!

Герольд обходит кольцо лож, объявляя нараспев о крещении и приглашая всех на пир в честь этого события. Настоящие американские крестины - это всегда торжественное событие, когда огромные богатства распределяются среди бедных и стариков. Вайнона только что вышла на прогулку, и этот факт также подтверждается дополнительными подарками. Хорошо родившийся ребенок всегда находится перед глазами племени и в слухе племени, поскольку о каждом маленьком шаге в его продвижении к мужественности или женственности - первой ходьбе или плаванию, первом выстреле из лука (если мальчик), первой паре сшитых мокасин (если девочка) — объявляется публично с помощью пиршества и вручения подарков.

Таким образом, Вайнона получает свое личное имя Татийопа, или "Ее дверь". Это символично, как и большинство индийских имен, и подразумевает, что дверь носительницы гостеприимна, а ее дом привлекателен.

Две бабушки, которые несли маленькую деву на своих спинах, теперь по очереди рассказывают и поют ей все легенды о своих самых знаменитых предках женского пола, начиная с сестер-близнецов из старой истории, дев, вышедших замуж среди звездного народа неба, и кончая своими собственными матерями. Все их колыбельные женственны и призваны запечатлеть в ее нежном сознании жизнь и обязанности представителей ее пола.

Как только она становится достаточно взрослой, чтобы играть в куклы, она со всей серьезностью разыгрывает роль матери. Она одета как миниатюрная женщина (и ее куклы одеты точно так же), в одежду из оленьей кожи до щиколоток, украшенную длинной бахромой, расшитую иглами дикобраза и выкрашенную корневыми красителями различных цветов. Ее маленькое одеяло или халат, которым она застенчиво прикрывает голову и плечи, представляет собой шкуру теленка буйвола или оленя, мягкую, белую, с вышивкой на гладкой стороне, и часто с оставленными головой и копытами.

- Ты никогда не должна забывать, моя маленькая дочь, что ты такая же женщина, как и я. Делай всегда то, что, как ты видишь, делаю я", - часто увещевает ее мать.

Даже в языке сиу есть женский диалект, и крошечная девочка была бы сильно смущена, если бы когда-нибудь понадобилось поправить ее за использование мужского окончания.

Эта мать делает для своей маленькой дочери миниатюрную копию каждого грубого инструмента, который она использует в своих повседневных задачах. Здесь есть небольшой скребок из лосиного рога для соскабливания сырых шкур перед их дублированием, другой скребок другой формы для дублирования, костяные ножи и каменные молотки для отбивания черешни и вяленого мяса.

В то время как ее мать склоняется над большой буйволиной шкурой, натянутой и пришпиленной к земле, стоя на ней и соскребая мясистую часть так же ловко, как плотник строгает доску своим рубанком, пятилетняя Вайнона стоит на углу огромной шкуры и усердно соскребает ее своим крошечным инструментом. Когда мать останавливается, чтобы наточить свой инструмент, маленькая женщина всегда точит и свой. Возможно, здесь есть вода, которую можно принести в мешочках, сделанных из высушенного перикарда животного; девушка приносит немного воды в мешочке поменьше. Когда ее мать ходит за дровами, она несет одну или две палки за спиной. Она разбивает свой игровой вигвам, чтобы сделать точную копию вигвама своей матери. Почти все ее маленькие пожитки практичны, и сама ее игра реальна!

II

ДЕВИЧЕСТВО ВАЙНОНЫ

Храбрее самых храбрых,
Ты искал почестей на пороге смерти;
Неужели ты не мог вспомнить
Тот, кто плачет дома—
Неужели ты меня не помнишь?
Храбрее самых храбрых,
Ты искал почестей больше, чем любви;
Дорогая, я плачу, но я не трус;
Мое сердце оплакивает тебя —
Мое сердце плачет, когда я вспоминаю тебя!
— *Песня о любви индейцев сиу.*

Над головой голубое небо, проглядывающее сквозь похожие на окна отверстия в крыше из зеленых листьев. Прямо между большой сосной и березой расстелены их мягкие шали из оленьей кожи, и там сидят две девушки племени сиу среди своих нарядов — разноцветных игл дикобраза для вышивания, положенных на листы тонкой бересты, и голенищ мокасин, раскрашенных в цвета осенних листьев. Это Вайнона и ее подруга Минията.

Они подошли к периоду, в течение которого молодая девушка тщательно скрывается от своих братьев, кузенов и будущих возлюбленных и как бы уединяется в лесном монастыре, за завесой густой листвы. Таким образом, ожидается, что она разовьет свои женские качества. В медитации и уединении, совершенно одна или с избранным спутником своего пола и возраста, она обретает тайную силу, поскольку изучает искусство женственности у самой природы.

"Пойдем, исполним наш священный танец", - говорит один другому. Каждая венчает свою блестящую головку венком из полевых цветов, и они медленно танцуют вокруг белой березы, распевая при этом священные песни.

Теперь на синем озере, простирающемся на восток, вдали появляется каноэ, просто пятнышко, не больше птицы вдали на фоне сияющего неба.

"Смотрите, как поднимаются лопасти!" - восклицает Вайнона.

"Как прыжок форели по воде!" - предлагает Минията.

"Я надеюсь, что они нас не обнаружат, и все же я хотел бы знать, кто они", - невинно замечает другой.

Березовое каноэ быстро приближается, двое молодых людей налегают на легкие кедровые весла.

Теперь девушки принимают за свое рукоделие, как будто они никогда не смеялись, не танцевали и не плели гирлянды, склонившись над вышиванием в совершенной тишине. Конечно, они не хотели привлекать к себе внимания, потому что два крепких молодых воина уже приземлились.

Они поднимают каноэ и ставят его подальше от берега, вне поля зрения. Затем один из них достает прочный шест. Они вытаскивают из каноэ самца оленя — на нем нет ни единой отметины, если не считать пулевого ранения; олень выглядит так, словно спит! Они связывают задние ноги вместе, а также передние и носят его между собой на шесте.

Быстро и ловко они проделывают все это; и вот они идут вперед и неожиданно натыкаются на отступление дев! Они на мгновение замирают, безмолвно извиняясь, но девушки улыбаются в знак прощения, и юноши спешат дальше к деревне.

Вайнона уже посетила свой первый девичий праздник и считается имеющей право на вступление в брак. Она может принимать молодых людей, но не публично и не светским способом, поскольку у сиу так не принято. Когда он говорит, ей не нужно отвечать ему, если только она сама не захочет.

В старые времена дочери вождя не было ничего зазорного в том, чтобы работать своими руками. Действительно, их мерилом ценности была готовность работать, но не ради накопления, а только для того, чтобы отдавать. Вайнона научилась выделывать шкуры, удалять шерсть и дубить шкуру оленя так, чтобы из нее можно было сделать мокасины в течение трех дней. У нее есть костяной инструмент для каждого этапа превращения жесткой сыромятной кожи в бархатистую. Ее обучили искусству росписи палаток и ящиков из сыромятной кожи, а также изготовлению всевозможной одежды.

Щедрость - это черта характера, которая высоко развита у женщин племени сиу. Она шьет много мокасин и других предметов одежды для своих родственников мужского пола или для тех, кто недостаточно обеспечен. Ей нравится видеть своего брата одетым лучше всех среди молодых людей, а мокасины, особенно у юного храбреца, являются гордостью его женского рода.

Ее собственная персона одета аккуратно, но обычно с большой простотой. У ее платья из оленьей кожи широкие ниспадающие рукава; вырез низкий, но не настолько, как у светских вечерних платьев.

Ее мокасины простые; леггинсы облегающие и не такие высокие, как у ее брата. Она расчесывает свои гладкие, иссиня-черные волосы посередине и заплетает их в две косы. В старые времена она заплетала их в одну косу, обернутую вампумом. Ее украшения, которые носят редко, - это бусы, лосиные зубы и немного красной краски. Женщина не носит перьев, разве что для священного танца. Предполагается, что она всегда занята каким-то женским

занятием или занята каким-то общественным делом, которое, как правило, также строго женское.

Существует этикет сидения и стояния, который строго соблюдается. Женщина ни в коем случае не должна поднимать колени или скрещивать ступни, когда сидит. Она садится на землю боком, поджав под себя обе ноги.

Несмотря на ее скромность и непритязательность, Вайнона не испытывает недостатка в веселье и раскованности среди своих подружек.

Летом плавание и игры в воде - любимое развлечение. Она даже имитирует подошвами своих ног своеобразный, гулкий звук, который бобр издает своим большим плоским хвостом по поверхности воды. Она грациозная пловчиха, держащая ноги вместе и размахивающая ими взад-вперед, как рыбий хвост.

Почти все ее игры отличаются от игр мужчин. У нее есть вид спорта по метанию палочки, который развивает прекрасные мышцы плеч и спины. Палочки имеют около восьми футов в длину и постепенно сужаются от полутора до половины дюйма в диаметре. Некоторые из них сделаны искусно, с головками из кости и рога, так что удивительно, на какое расстояние они могут скользить над землей. В женской игре в мяч, которая является чем-то вроде "блестящей", мяч гоняют изогнутыми клюшками между двумя воротами. В нее играют от двух-трех до сотни человек с каждой стороны, и игра между двумя группами или деревнями - живописное событие.

Распространенным развлечением в помещении является игра "оленья лапа", в которую играют шестью оленьими копытами на веревочке, заканчивающимися костяным или стальным шилом. Цель состоит в том, чтобы бросить его таким образом, чтобы поймать одно или несколько копыт на острие шила, что требует немалой ловкости. В другой раз разыгрываются помеченные сливовые косточки в миске, которые бросаются, как игральные кости, и отсчитываются в зависимости от того, какая сторона обращена вверх.

Ухаживание Вайноны - типичное дело. Как и у любого другого народа, занятия любовью более или менее в моде в любое время года, но особенно в середине лета, во время характерных для этого сезона встреч и празднеств. Молодые люди обычно ходят парами, и девушки делают то же самое. Они могут случайно встретиться в любое время дня, в лесу или у источника, но чаще всего стремятся сделать это после наступления темноты, сразу за пределами вигвама. У девушки есть свой спутник, а у него - свой, ради соблюдения приличий или защиты. Разговор ведется шепотом, так что даже эти сопровождающие не слышат.

Летними вечерами при звуке барабана в круглых рядах вигвамов начинаются танцы, но за пределами круга молодые люди прогуливаются парами. Каждый берет с собой жалобную флейту и играет простые ритмы своего народа, в то время как его лицо полностью закрыто его прекрасным одеянием, так что прохожий не может его узнать. Во время каждой паузы в мелодии он издает свой любовный клич, похожий на йодль, на который девушки отвечают своим музыкальным, певучим смехом.

Матосапа использовал каждую возможность, пока Вайнона, наконец, застенчиво не призналась в своей готовности выслушать. В течение целого года он был вынужден время от времени повторять историю своей любви. Во время осенней охоты на бизонов и долгой, холодной зимы он часто угощает ее сородичей своей дичью.

В следующую середину лета родители с обеих сторон узнают о помолвке и сразу же начинают приготовления к предстоящей свадьбе. Для застолья здесь припасены всевозможные припасы и деликатесы. Сестрам Матосапы и его двоюродным сестрам сообщают о приближающемся событии, и они тоже готовятся к нему, поскольку их долг - одеть или украсить невесту одеждой, сшитой их собственными руками.

Невесту торжественно доставляют народу ее мужа вместе с подарками в виде богатой одежды, собранной со всего ее клана, которую она затем распределяет среди своих новых родственников. Вайнону везут на волокуше, красиво украшенной, и встречают не менее церемонно.

III

ПРАЗДНИК СЕРЕДИНЫ ЛЕТА

Деревня Вахпетонван на берегу реки Миннесота была переполнена вновь прибывшими гостями и подготовкой к предстоящему событию. Мясо дичи было убрано сособой тщательностью прошлой осенью в ожидании этого праздника. Там был дикий рис и отборная вяленая оленина, которая хранилась всю зиму, а также свежевыкопанная репа, спелые ягоды и обилие свежего мяса.

Вдоль опушки леса вигвамы были разбиты группами или полукругами, каждая полоса отличалась от других. Вигвам Манкато, или Голубой Земли, был разбит на видном месте. Прямо над входом красными и желтыми красками было нарисовано изображение трубы, а прямо напротив - восходящее солнце. Картина символизировала радушие и добрую волю к мужчинам под ярким солнцем.

Было проведено собрание, чтобы назначить какого-нибудь "знахаря" для изготовления мячей, которые должны были использоваться в соревнованиях по лакроссу; и вскоре "герольд" объявил, что этой чести удостоен старый Чанкпи-юха, или "Хранитель клюшки", в то время как все остальные представители его профессии были разочарованы.

Ближе к вечеру он появился в кругу, ведя за руку мальчика лет четырех. Малыш внимательно наблюдал за каждым движением мужчины; ничто не ускользало от его бдительных черных глаз, которые, казалось, постоянно становились ярче и больше, в то время как его блестящие черные волосы были заплетены в косу и обвиты вокруг головы, как у Небожителя. В каждом ухе у него было по кусочку лебяжьего пуха, что составляло разительный контраст с цветом лица ребенка. Кроме того, мальчик был раскрашен в соответствии с модой того времени. В руках он держал миниатюрный лук со стрелами.

Знахарь выпрямился в достойной восхищения позе и произнес свою короткую речь:

"Вахпетонваны, вы хвастаетесь, что загнали лося; вы можете обогнать оджибвеев. Перед всеми вами я посвящаю вам этот красный мяч. Капошиас, вы утверждаете, что ни у кого нога не легче, чем у вас; вы заявляете, что можете целый день бегать без воды. Тебе я посвящаю этот черный шар. Либо тебе, либо Обитателям Листьев придется опустить глаза и склонить голову, когда игра закончится. Я хочу объявить, что если вахпетонваны победят, этот маленький воин будет

носить имя Охиеса (победитель) всю жизнь; но если Светлые Ложи победят, пусть это имя будет дано любому ребенку, назначенному ими ".

Площадка, выбранная для большой игры, находилась на узкой полоске земли между озером и рекой. Она была примерно три четверти мили в длину и четверть мили в ширину. Зрители уже выстроились по обеим сторонам, а также на двух концах, которые были несколько выше середины. Солдаты, назначенные следить за порядком, обеспечили большую часть развлечений этого дня. Они раскрашивали художественно и со вкусом, по индийской моде, не только свои тела, но и своих пони и дубинки. Они были настолько строги в соблюдении законов, что никто не мог безопасно приблизиться к границам поля на несколько футов.

Теперь все второстепенные события и пиршества, занявшие несколько дней, были соблюдены. Герольды на спинах пони объявили, что всех, кто намеревался участвовать в финальной игре, просят спуститься на землю; также, если кто-то затаил обиду на другого, его умоляют забыть о своем недобром чувстве до окончания состязания.

Самые сильные мужчины были размещены на полпути, в то время как самые быстрые бегуны были распределены сзади. Это было впечатляющее зрелище - прекрасная коллекция подвижных форм, почтилишенных одежды и нарисованных в дикой имитации радуги и закатного неба на человеческом холсте. Некоторые взялись изобразить Млечный Путь на своих смуглых телах, а один или двое предприняли смелую попытку воспроизвести молнию. Другие довольствовались тем, что рисовали на своей мускулистой груди фигуру какого-нибудь быстрого животного или стремительной птицы.

Посреди площадки стояли четверо огромных мужчин великолепного телосложения. Пятый подошел к этой группе, на мгновение остановился, а затем запрокинул голову, посмотрел в небо на манер петуха и издал плавный, чистый оперный звук. В тот же миг маленький черный мяч пролетел между двумя средними нападающими, среди криков "ура" и боевых кличей. Оба мужчины попытались поймать его в воздухе, но увы! каждый мешал другому; тогда стражники с обеих сторон бросились на них. Какое-то время сотня клюшек для лакросса соперничали друг с другом, и сквозь облако пыли можно было разглядеть только извивающуюся человеческую плоть и краску. Внезапно по воздуху стремительно пронесся мяч на юг, к воротам "Капоши". Последовали общие возгласы их сторонников, которые эхом отразились от белого утеса на противоположном берегу Миннесоты.

Когда мяч пролетел по воздуху, двое противников были готовы принять его. Капоса быстро встретил мяч, но не смог поймать его в свою сетчатую сетку, потому что другой игрок молниеносно выбросил его вверх. Таким образом, он ударился о землю, но не имел возможности удержаться, когда Вахпетон набросился на него, как кошка, и выскользнул из рук своих противников. Могучие приветствия прогремели в воздухе.

Воин, взявшийся управлять маленьким шаром, сильно рисковал, поскольку ему приходилось уворачиваться от множества Капоши, прежде чем он мог хоть как-то продвинуться вперед. Он был настороже и проворен; то прыгал, как пантера, то перепрыгивал, как олень, через наклонившегося противника, который пытался обхватить его за талию. Каждый игрок соперника наступал ему на пятки, в то время как его собственные игроки делали все, что было в их силах, чтобы расчистить ему путь. Но все было напрасно. Он продвинулся всего на пятьдесят шагов.

Так продолжалась игра. Сначала одна сторона, затем другая получали преимущество, а затем оно терялось, пока герольд не объявил, что пришло время менять мяч. Победы не было видно ни у одной из сторон.

После нескольких минут отдыха игра была возобновлена. Теперь красный мяч подбрасывали в воздух обычным способом. Не успел он спуститься, как один из беглецов подхватил его, и он унесся на север; и снова ему повезло, потому что его продвигал один из тех же людей. Сцена теперь представляла собой самое дикое возбуждение и неразбериху. Наконец, полет мяча на север был на мгновение остановлен, и завязалась отчаянная борьба.

Мячу не давали подняться на поверхность с тех пор, как он достиг этой точки, потому что за ним боролись более сотни человек. Внезапно из толпы вылетел воин, похожий на сам мяч! Затем кто-то из игроков крикнул: "Берегись антилопы!" Но было слишком поздно. Маленький шарик уже уютно устроился в ладони Антилопы, и этот самый проворный из Вахпетонов бросил свою клюшку для лакросса и устремил решительный взгляд на ворота северян.

Какая скорость! Он преодолел почти все щитки противников — оставалось всего двое. Это были исключительные бегуны Капоши. По мере того как он приближался к ним со своей почти непреодолимой скоростью, каждое дикое сердце все громче билось в смуглой груди индейца. В другой момент "Капоши" потерпели бы поражение или продлили бы игру. Двое мужчин решительным видом приближались к своему врагу, как две пантеры, готовые к прыжку; однако он не сбавил скорости и не отклонился от своего курса. Грохот — могучий крик!—две капоши столкнулись, и лавры достались быстрой антилопе!

Суматоха и переполох в лагере победителей были неописуемы. Раздалось несколько ударов барабана, после чего глашатаи поспешили вдоль рядов, объявляя о последнем действии, которое будет исполнено в лагере "Обитателей Листа".

День был прекрасным. Все мероприятия прошли успешно; и, как само собой разумеющееся, пожилые люди были счастливы, поскольку они в значительной степени извлекали выгоду из этих событий. Внутри круга, образованного генеральной ассамблеей, сидели группой члены общего совета. Блу Эрт встал и в нескольких уместных и вежливых замечаниях заверил своих гостей, что не эгоизм побудил его храбрецов присвоить себе почести последнего мероприятия, а то, что это было дружеское состязание, в котором каждая группа должна проявить свою доблесть. В память об этой победе мальчик теперь получит свое имя. Громкое одобрительное "Хо-о-о" донеслось с опушки леса на берегу Миннесоты.

Наполовину испуганного маленького человечка ввели в круг, и теперь он выглядел так, словно его собирались казнить. В честь охваченного благоговейным страхом мальчика раздавались приветствия за приветствиями. Чанкпи-юха, знахарь, назвал имя.

"Отныне твоим именем будет Охиеса (или Победитель). Будь храбрым, наберись терпения, и ты всегда будешь побеждать! Тебя зовут Охиеса".

ВЕРНОСТЬ ДЛИННОУХИХ

Далеко за Невысокими Холмами, над Большим Одиноким Деревом на берегу реки Паудер, около сорока лет назад индейцы сиу ункапа праздновали свой Танец Солнца. Стояла середина лета, и краснокожие были счастливы. Они ни в чем не испытывали недостатка. Желтовато-зеленая равнина по обе стороны от Пудры была усыпана полевыми цветами, а на тополях цвела листва. Один большой круг вигвамов из буйволиной кожи образовывал передвижную деревню.

Все племенные обряды были соблюдены, и обычными летними празднествами наслаждались в полной мере. Лагерь, когда он распадался, разделился на три части, каждая из которых решила найти себе любимое место для охоты.

Один отряд двинулся на запад, к реке Тоун. Другой следовал по притоку Паудер на юг. Третий просто сменил лагерь из-за выпаса пони и в течение четырех дней оставался недалеко от старого места.

Отряд, отправившийся на запад, не преминул осознать опасный характер своих странствий, поскольку они вторглись в страну воинственных Ворон.

На третий день на рассвете в долине Паудер раздался голос глашатая племени сиу, возвещавший, что хижины должны быть снесены, а жители деревни должны выступить в поход.

Был подан завтрак из вяленого мяса буйвола, и женщины поправляли свои вьюки, не без оживленной болтовни и явного замешательства. Уико (Красивая женщина), молодая жена военного вождя Шункаски, которая сделала много подарков на танцах в честь своих мальчиков-близнецов, теперь подарила одного из оставшихся у нее пони бедной старой женщине, чье единственное вьючное животное, большая собака, сдохла ночью.

Это сделало необходимым переложить рюкзаки остальных. Накпа, или Длинноухий, ее серый мул, похожий на котенка, на которого до сих пор возлагалась драгоценная ноша в виде младенцев-близнецов, должен был получить более тяжелую и громоздкую поклажу. Для перевозки младенцев был выбран двухлетний пятнистый пони Уико.

Соответственно, двое детей в своих великолепно расшитых бисером капюшонах из оленьей кожи были подвешены по обе стороны седла пони. Поскольку они были первенцами Уико, они были красиво одеты; даже седло и уздечка были изящной работы ее собственных рук.

Караван теперь пришел в движение, и Уико погнала всех своих пони за вожаком, пока она подгоняла неуклюжую ношу мула - чайники и другие домашние принадлежности. Через мгновение:

"Давай, посмотрим, как ты будешь двигаться со своим новым грузом! Вперед! - снова воскликнула она, слегка взмахнув плетением из конского волоса, когда животное замерло совершенно неподвижно.

Накпа просто бросила сердитый косой взгляд на свою ношу и раз или два поменяла позу. Затем она стремглав взмыла в воздух и приземлилась на негнущиеся ноги, издав при этом свой неземной протест. Сначала она нырнула прямо сквозь толпу, затем пошла по кругу, ее каблучки описывали чудесные изгибы и взмахи в воздухе. Ее стая тоже начала разваливаться на части и

вынужденно убегать от ее недостойного тела и пяток, под крики женщин и детей, лай собак и боевые кличи веселящихся юных храбрецов.

Палатка из коровьей кожи отстегнулась от ее седла, и мгновение спустя Накпа оказалась на свободе. Ее бока работали как кузнечные мехи, когда она стояла там, кротко возмущенная, очевидно, считая себя жертвой неуместного недоразумения.

"Я бы сразу пустил в нее стрелу, только она не стоит хорошей стрелы", - сказал Шункаска, или Белый Пес, муж Уико. Услышав ответ жены, он удивленно и недовольно открыл глаза.

- Нет, у нее снова будет своя стая. Она хочет своих близнецов. Мне не следовало забирать их у нее!

Уико подошел к Накпе, когда она стояла одинокая и лишенная друзей перед лицом своего маленького мира, все в котором считали, что она совершила непростительный грех. Что касается ее, то она, очевидно, чувствовала, что ее несчастья были вызваны не ею. Она нерешительно, искоса взглянула на свою госпожу.

"Накпа, тебе не следовало так поступать. Я знал, что ты сильнее других, поэтому и дал тебе эту ношу, - сказал Уико примирительным тоном и потрепал ее по носу. - А теперь пойдем, у тебя будет своя домашняя стая, - и она повела ее обратно туда, где молча стояла молодая пони с малышами.

Накпа наострила уши и бросала на него свирепые взгляды, в то время как Шункаска с немалым раздражением собирал все, что мог, из их разбросанных домашних вещей. Спящих смуглокожих младенцев в капюшонах, похожих на куколки, осторожно спустили со спины пони и надежно прикрепили к деревянному седлу Накпы с мягкой подкладкой. Семейные кастрюли и котелки были разделены между вьючными пони. Порядок был восстановлен, и деревня снова пришла в движение.

"Ну же, Накпа, твое желание исполнилось. Ты должен хорошо заботиться о моих малышах. Веди себя хорошо, потому что я доверяла тебе", - пробормотала молодая мать самым нежным голосом, какой только могла.

"В самом деле, Уико, у тебя с Накпой есть кое-какие точки соприкосновения, потому что вы оба всегда хотите поступать по-своему и тоже придерживаетесь его! Говорю вам, я боюсь этой Длинноухой. Ей нельзя доверять детей, - заметил Шункаска с изрядной долей суровости.

Но его жена ничего не ответила, поскольку прекрасно знала, что, хотя он и может критиковать, на самом деле он не станет вмешиваться в ее домашние дела.

Теперь он двинулся вперед, чтобы присоединиться к мужчинам, шедшим впереди медленно движущейся процессии, таким образом, оставив ее безраздельно распоряжаться своим хозяйством. Одна или две вьючные пони были плохо обучены и требовали всего ее внимания. Накпа была верной служанкой до своей утренней выходки, и теперь она была явно довольна распоряжениями своей хозяйки. Она шла рядом, волоча за собой аркан, и была совершенно свободна делать все, что ей заблагорассудится.

Несколько часов спустя группа поднялась по склону от дна реки, чтобы пересечь водораздел, пролежавший между рекой Паудер и притоком ручей. Брод был глубоким, с быстрым течением. Тут и там голые холмы рельефно выделялись на фоне ярко-синего неба.

"Ууу! ууу!" - раздался леденящий кровь сигнал опасности спереди. Это не был незнакомый звук — бродяги знали его слишком хорошо. Это означало внезапную смерть — или, в лучшем случае, жестокую борьбу и отчаянное бегство.

Перепуганные, но сохранившие самообладание женщины повернулись, чтобы улететь, пока еще было время. Мать тут же посмотрела на Накпу, который нес по обе стороны седла ее драгоценных мальчиков. Она поспешно осмотрела крепления, чтобы убедиться, что все надежно закреплено, а затем поймала своего самого быстрого пони, потому что, как и все индейские женщины, она точно знала, что происходит, и что, пока ее муж сражается с врагом, она должна искать безопасности со своими детьми.

Едва она оказалась в седле, как с фланга раздался душераздирающий боевой клич, и она поняла, что они окружены! Инстинктивно она потянулась за вторым колчаном стрел своего мужа, который нес один из вьючных пони. Увы! воины Кроу уже были рядом с ними! Пони стали неуправляемыми, и дикие крики женщин и детей пронзили ужасную неразбериху.

Быстро, как молния, Уико снова повернулась к своим малышам, но Накпа уже исчез!

Когда Вороны атаковали с фланга, Накпа, очевидно, оценила ситуацию. Чтобы спасти себя и детей, она отчаянно рискнула. Она бежала прямо сквозь атакующие силы.

Когда воины с воем набросились на нее в большом количестве, она сразу же отправилась обратно тем же путем, каким пришла, в оставленный позади лагерь. Они ехали почти три дня. Конечно, они проходили не более пятнадцати миль в день, но до наступления темноты предстояло преодолеть целых сорок миль.

"Смотрите! смотрите! - воскликнул воин. - двое младенцев свисали с седла мула!"

Никто не внял призыву этого человека, и его стрела не задела ни Накпу, ни кого-либо из мальчиков, но попала в толстую часть седла на спине мула.

- Ууу! ууу! - прокричала другая Ворона своим товарищам. - Сиу отправили гонца за подкреплением! Вот он спускается на равнину! Теперь он почти достиг дна реки!"

Это был всего лишь Накпа. Она прижала уши и все больше и больше вытягивалась, чтобы добраться до реки, ибо поняла, что, когда она перейдет вброд, Вороны не будут преследовать ее дальше.

Теперь она добралась до берега. Из-за сильной жары, вызванной физическими нагрузками, она очень нервничала и представляла себе воина за каждым кустом. И все же у нее осталось достаточно здравого смысла, чтобы понять, что она не должна утолять жажду. Она попробовала дно передней ногой, затем осторожно вошла вброд в глубокий ручей.

Во время плавания она держала свои большие уши вытянутыми вперед, чтобы уловить малейший звук. Ступив на противоположный берег, она энергично встряхнула себя и мальчиков, затем набрала в рот несколько пучков травы и двинулась дальше.

Вскоре один из младенцев заплакал, и другой вскоре присоединился к нему. Накпа не знал, что делать. Она тихонько заржала, и оба малыша, очевидно, остановились, прислушиваясь; затем она перешла на легкую походку, как будто собиралась усыпить их.

Эта тактика давала результат лишь на время. Когда она почти пролетела над низинами, голод детенышей усилился, и они закричали так громко, что проходящему мимо койоту пришлось сесть на задние лапы и задаться вопросом, что же, черт возьми, несет в своем седле убегающий длинноухий конь. Даже сороки и вороны подлетели поближе, словно желая выяснить значение этого странного звука.

Теперь Накпа подошел к ручью Литтл Трейл, притоку Паудер, недалеко от старого лагеря. Там она свернула в сторону так внезапно, что чуть не выдернула своих младенцев из колыбелей. Два серых волка, по одному с каждой стороны, приблизились к ней, низко рыча, обнажив белые зубы.

Никогда в своей скромной жизни Накпа не оказывалась в более отчаянном положении. Более крупный из волков яростно рванулся вперед, чтобы привлечь ее внимание, в то время как его пара должна была напасть на нее сзади и перерезать ей подколенные сухожилия. Но на этот раз пара просчиталась. Мул энергично бил передними копытами по переднему волку, в то время как задние работали еще более эффективно. Более крупный волк вскоре ушел, прихрамывая, со сломанным бедром, а тот, что шел сзади, получил глубокий порез на челюсти, что окончательно обескуражило его.

Чуть дальше к ним подъехал верхом охотник-индеец, но Накпа не остановилась и не замедлила шага. Она бежала по высокой сухой траве на дне реки, в то время как ее малыши снова спали от полного изнеможения. Ближе к закату она вошла в лагерь сиу в большом волнении, потому что кто-то заметил ее издалека, и мальчики с собаками возвестили о ее приближении.

"Ууу, ууу! Накпа Уико вернулся с близнецами! Ууу, ууу!" - воскликнули мужчины. "Токи! токи! - закричали женщины.

Зизивин, сестра Уико, которая жила в деревне, вышла вперед и отпустила детей, когда Накпа тихо заржал и остановился.

- Спой песню Храброго Сердца для Длинноухой! Она сбежала одна со своим подопечным. Она имеет право носить орлиное перо! Посмотри на стрелу в ее седле! и еще, у нее ножевая рана в челюсти и порез от стрелы на задней ноге. —Нет, это следы волчьих зубов! Она прошла через множество опасностей и спасла двух сыновей вождя, которые когда-нибудь заставят Ворон пожалеть о проделанной работе!"

Говоривший был стариком, который обратился таким образом к быстро собирающейся толпе.

Зизивин снова вышла вперед с орлиным пером и немного белой краски в руках. Молодые люди растерли Накпу, и перо, помеченное красным, чтобы указать на ее раны, было прикреплено к ее гриве. Плечи и бедра были окрашены красной краской, чтобы показать ее выносливость в беге. Затем глашатай, восхваляя ее храбрый поступок в героических стихах, повел ее вокруг лагеря, внутрь круга вигвамов. Все люди стояли у своих вигвамов и почтительно слушали, потому что дакота любят чтить верных и храбрых.

В течение следующего дня прибыли всадники со злополучной вечеринки, принесшие печальные известия о драке и тяжелых потерях. Ближе к вечеру пришла Уико, ее лицо распухло от слез, красивые волосы были коротко подстрижены в знак траура, одежда порвана и покрыта пылью и кровью. Ее муж пал в бою, а ее мальчики-близнецы, как она предполагала, были взяты в плен Воронами. Хриплым голосом распевая хвалу своему погибшему воину, она вошла в лагерь. Когда она подошла к вигваму своей сестры, там стояла Накпа, все еще одетая в свои почетные украшения. В тот же момент Зизивин вышла ей навстречу с обоими младенцами на руках.

- Мечинкши! мечинкши! (мои сыновья, мои сыновья!)" - вот и все, что смогла сказать бедная мать, едва не упав с седла на землю. Презираемый Длинноухий не предал ее доверия.

V

ОЛЕНЕНОК СНАНЫ

Маленькая Миссури была в расцвете весенних сил, и холмы, среди которых она прокладывала себе путь к Грейт-Мадди, были обильно разукрашены цветами, очень похожими на те, что носят дикие краснокожие люди на каникулах! Между великолепными холмами и переливающимися всеми цветами радуги горными хребтами тянулись узкие равнины, кое-где изрезанные пересохшими ручьями или лощинами, и они снова были скудно поросшими тополями и кустарниками с бычьими ягодами печального цвета, в то время как голые участки были фиолетовыми от диких дакотских крокусов.

Этим майским утром на самой нижней из серии естественных террас стояла молодая девушка племени сиу, чьи грациозные движения мало чем отличались от движений лани, случайно затаившейся в соседнем ущелье. На верхних равнинах, неподалеку, были ее юные спутники, все они усердно работали с вевоптаем, как его называют, — остроконечной палкой, с помощью которой женщины сиу выкапывают дику репу. Они весело сплетничали друг с другом или каждая напевала любовную песенку во время работы, только Снана стояла несколько в стороне от остальных, фактически скрытая гребнем хребта.

Теперь день был в самом разгаре. Солнце припекало голую землю, и капли выступали на лбу Снаны, когда она орудовала своим длинным шестом. Неподалеку в пересохшем русле ручья был прохладный родник, хорошо скрытый зарослями черемухи, и она направилась туда, чтобы охладить свое измученное жаждой горло. В глубине оврага ее взгляд наткнулся на знакомый след — след самки, а рядом с ней молодого олененка. Внутри проснулся охотничий инстинкт.

"Это будет великим подвигом, если я смогу найти и забрать у нее ребенка. Моя мать красиво оденет маленькую смуглую шкурку. Лапки и носик будут украшены иглами дикобраза. Это будет моя рабочая сумка", - сказала она себе.

Крадучись вперед по свежему следу, она осматривала каждый уголок, каждую заросль кустарника. Внезапно из рощи дикой сливы, густо увитой виноградом и ломоносом, донесся шорох, и мать-лани ускakasла прочь так беззаботно, как будто ей никогда не суждено было вернуться.

Ах, материнская уловка! Снана вошла в заросшую колючками ограду, которая представляла собой почти грубый вигвам, и в самом дальнем углу лежало нечто с коричневой, в крапинку, шерстью, похожей на форель. Она склонилась над ним. Олененок, по-видимому, спал. Вскоре его глаза слегка задвигались, и дрожь прошла по тонкому телу.

"Ты не умрешь; твоя кожа не станет моей рабочей сумкой!" - бессознательно произнесла девушка. Материнское сочувствие овладело ее разумом. Она нежно подняла олененка, связала ему лапки и посадила к себе на спину, чтобы нести, как индейского младенца, в складках своего одеяния.

- Я не могу оставить тебя одну, Тачинчала. Твоей матери здесь нет. Наши охотники скоро вернутся по этой дороге, а твоя мать оставила за собой два четких следа, ведущих в эту чащу, - пробормотала она.

Дикое существо энергично боролось в течение минуты, а затем затихло. Его изящная голова торчала из одежды из лосиной шкуры прямо над плечом Снаны. Она медленно взбиралась по склону со своей ношей, когда внезапно, словно привидение, перед ней предстала мать-лань. Олененок громко закричал, когда его схватили в первый раз, и мать была не слишком далеко, чтобы услышать. Теперь она отчаянно звала своего ребенка, в то же время топая своими изящными передними лапками.

- Да, сестра, ты права; она твоя, но ты не сможешь спасти ее сегодня! Охотники скоро будут здесь. Позволь мне сохранить ее для тебя; я верну ее тебе в целости и сохранности. И услышь меня, о сестра лесов, чтобы однажды я могла стать матерью благородной расы воинов и прекрасных женщин, таких же красивых, как ты!"

В этот момент быстрые глаза индианки заметили что-то странное в действиях самки. Она огляделась по сторонам и увидела! медведь гризли осторожно приближался к группе на значительном расстоянии.

- Беги, беги, сестра! Я спасу твоего ребенка, если смогу! - крикнула она и бросилась к ближайшему низкорослому дубу на краю обрыва. Она вскарабкалась на дерево, по-прежнему крепко привязывая олененка к своей спине. Гризли бросился вперед, обнажив зубы, и мать-лань в своем бегстве встала между ним и деревом, издав на бегу серию возмущенных фырканий и таким образом отвлекла Мато от объекта его нападения; но только на несколько секунд — затем он бросился вперед!

"Прекрати, о храбрый Мато! Великому знахарю не подобает нападать на беспомощную женщину с ношей на спине!"

Снана говорила так, как будто огромное животное могло ее понять, и действительно, индейцы считают, что дикие животные интуитивно понимают, к кому обращаются люди, попавшие в беду. Но в ответ он лишь хрипло зарычал, встав на задние лапы и энергично потряс маленькое деревце.

- Эй, эй, хейупи йе! Снана громко позвала своих товарищей-копателей репы. Ее крик вскоре привлек внимание всех женщин, собравшихся на ближайшем хребте, и они немедленно подняли общую тревогу. Мато увидел их, но, казалось, несколько не обеспокоился и все еще был полон решимости сбросить девушку, которая отчаянно цеплялась за свой насест.

Вскоре на небольшом холме появились несколько воинов, вскочивших на коней и издавших обычный боевой клич, как будто они собирались напасть на врага-человека. Это задело достоинство Мато, и он немедленно приготовился принять вызов. Каждый индеец осознавал возможности этого случая, ибо хорошо известно, что мато, или медведь гризли, единственный среди животных, удостоен звания воина, чтобы тот, кто победит его, мог носить орлиное перо.

- Ууу! ууу! - закричали воины, маневрируя, чтобы выманить его на открытую равнину.

Он ответил хриплым рычанием, угрожая всаднику, который осмелился подъехать слишком близко. Но стрел было много, и они были меткими, и через несколько минут великий и воинственный Мато лежал мертвый у подножия дерева.

Мужчины побежали вперед и сосчитали свои удары по нему, как при падении врага. Затем они посмотрели друг на друга и прижали руки ко рту, когда молодая девушка спустилась с дерева с привязанным к спине олененком.

"Так это и была приманка!" - воскликнули они. - И разве ты не устроишь пир с этим олененком для нас, тех, кто пришел тебе на помощь?

- Олененок молодой и нежный, а мы уже два дня не ели мяса. Это будет великодушный поступок", - добавил ее отец, который был среди них.

- Йе-е-е! - в отчаянии воскликнула она. - Не спрашивай об этом! Я видела мать этого олененка. Я обещал позаботиться о ее ребенке. Смотри! Я спас его жизнь, даже когда моя собственная была в опасности".

"Хо-хо, вакан йе ло! (Да, да, это святое или таинственное)", - одобрительно воскликнули они.

Снана было нелегко сохранить доверие. Как и следовало ожидать, за всеми собаками в деревне вигвамов следовало присматривать и держать их на расстоянии. Нелегко было и накормить маленькую пленницу, но в завоевании ее доверия девочка была искусна. Вскоре олененок повсюду следовал за ней и, когда был голоден, звал ее точно так же, как она звала свою собственную мать.

Через несколько дней, когда ее испуг от встречи с медведем несколько прошел, Снана отвела своего питомца в лес и вернулась на то самое место, где она его нашла. В самом дальнем уголке дикой сливовой рощи она положила его на землю, нежно погладила его мягкий лоб и погладила похожие на листья уши. Малыш закрыл глаза. Девочка-сиу снова наклонилась и прижалась щекой к голове олененка; затем неохотно отодвинулась, надеясь и в то же время страшась, что мать вернется. Она присела на корточки под кустами неподалеку и позвала лань. С ее стороны это был безрассудный поступок, потому что такой зов мог привлечь к ней внимание горного льва или всегда бдительного силвертипа; но Снана об этом не подумала.

Через несколько минут она услышала легкий топот копыт и мельком увидела лань, бегущую прямо к укрытию олененка. Когда она подобралась достаточно близко, чтобы разглядеть, олениха и олененок внимательно разглядывали друг друга, словно опасаясь какого-то предательства. Наконец оба были явно удовлетворены. Самка погладила своего естественного ребенка, и малыш принял предложенное ею молоко.

В душе девушки племени сиу царило смятение. Тесная привязанность к маленькому дикому созданию уже пустила там корни, борясь с чувством справедливости, которое было сильно в ней. Теперь женское сочувствие к матери взяло верх, а теперь желание обладать своим беспомощным питомцем и защищать его.

"Я могу позаботиться о ней против всех охотников, как животных, так и людей. Они всегда готовы схватить беспомощного олененка ради еды. Ее жизнь часто будет подвергаться опасности. Ты не можешь спасти ее от беды. О, Такча, сестра моя, позволь мне все же оставить ее для тебя!" - наконец обратилась она к бедной лани, которая нервно наблюдала за незванным гостем и, очевидно, думала, как бы ей лучше сбежать с олененком.

Как раз в этот момент из леса донесся тихий зов. Это был крик самки, но дикая мать и ее новый друг оба знали, что это был крик не настоящей самки.

"Это охотник из племени сиу!" прошептала девушка. "Ты должна идти, сестра моя! Убирайся; я отведу твоего ребенка в безопасное место!"

Пока она еще говорила, лань, казалось, осознала опасность. Она остановилась лишь на мгновение, чтобы нежно лизнуть рыжеватую шерстку малыша, а затем отскочила в сторону.

Когда Снана вышла из кустов со своим подопечным, молодой охотник встретился с ней лицом к лицу и с любопытством уставился на нее. Он не принадлежал к лагерю ее отца, но был чужаком.

"Фу, ты угадал мою игру".

- Тош! - кокетливо ответила она.

Среди индейцев так часто говорили, что лань имеет обыкновение принимать человеческий облик, чтобы ввести охотника в заблуждение, что было странно видеть женщину с олененком, и молодой человек не мог удержаться, чтобы не взглянуть на Снану.

- Ты не настоящая мать в девичьем обличье? Скажи мне правду, в тебе течет человеческая кровь, - грубо потребовал он.

"Я девушка племени сиу! Разве ты не знаешь моего отца?" она ответила.

- Ах, но кто твой отец? Как его зовут? он настаивал, нервно перебирая свои стрелы.

- Не будь трусом! Конечно, ты должен знать девушку своей расы, - укоризненно ответила она.

- Ах, ты знаешь уловки оленихи! Как тебя зовут?

- Неужели ты забыл этикет своего народа и хочешь заставить меня произнести мое собственное имя? Я отказываюсь, ты шутишь! - возразила она с улыбкой.

- Ты даешь каверзные ответы, как лань. Я не могу ждать; я должен действовать, пока не потерял свой естественный разум. Но я уже твой. Какую бы цель ты ни преследовал, очаровывая таким образом бедного охотника, будь милосерден. - И, отбросив колчан, он сел.

Девушка украдкой взглянула на его лицо, потом еще раз. Он был красив. Она тихо вернулась в чащу и положила маленького олененка на землю.

- Пообещай мне никогда больше не охотиться здесь! - искренне сказала она, выходя из дома без своей прелестной ноши, и он потребовал взамен еще одно обещание. Так Снана потеряла своего олененка и нашла возлюбленного.

VI

ПЕРВОЕ ПОДНОШЕНИЕ ХАКАДЫ

"Хакада, куваах!" - звучный клич донесся из большого вигвама посреди индейского лагеря. В ответ на зов из леса, который был всего в нескольких шагах, вышел мальчик в сопровождении великолепной черной собаки. Во внешности малыша мало что отличало его от других мальчиков племени сиу.

Он поспешил к палатке, из которой его вызвали, неся в руках великолепно раскрашенный лук и стрелы, а на поясе у него болтались маленькие птички и белки, которых он убил этим оружием.

В палатке сидели две старые женщины, по одной с каждой стороны костра. Унчида была бабушкой мальчика, которая воспитывала ребенка, оставшегося без матери. Вахчевин была всего лишь посетительницей, но ее пригласили остаться и помочь в первом личном подношении Хакады "Великой тайне".

По деревне-вигваму прошел слух, что Унчида намеревалась устроить пир в честь первого жертвоприношения своего внука. Однако это было всего лишь предположение, поскольку дальновидная пожилая женщина решила сохранить эту часть дела в секрете до завершения жертвоприношения, полагая, что "Великую Тайну" следует встречать в тишине и достоинстве.

Мальчик вбежал в сторожку, сопровождаемый своим псом Охитикой, который беспорядочно вилял хвостом, как бы говоря: "Мы с Хозяином настоящие охотники!"

Хакада, затаив дыхание, подробно описал убийство каждой птицы и белки, когда он снял их с пояса и бросил перед своей бабушкой.

- У этой стрелы с тупым наконечником, - сказал он, - сегодня утром действительно были глаза. Прежде чем белка успевает обогнуть дерево, она ударяет ее по голове, и, когда она падает на землю, моя Охитика оказывается рядом с ней".

Говоря, он опустил на одно колено, его черные глаза сияли, как вечерние звезды.

- Сядь сюда, - сказал Унчида мальчику. - Я хочу тебе кое-что сказать. Ты видишь, что теперь ты почти мужчина. Посмотри на игру, которую ты мне принес! Пройдет совсем немного времени, прежде чем ты покинешь меня, ибо воин должен искать возможности стать великим среди своего народа.

- Ты должен постараться сравняться со своими отцом и дедом, - продолжала она. - Они были воинами и устроителями праздников. Но не бедный охотник устраивает много пиршеств. Разве вы не помните "Легенду о пиршествующем", который устроил сорок пиршеств за двенадцать лун? И разве ты забыл историю о воине, который искал волю Великой Тайны? Сегодня ты сделаешь ему свое первое подношение.

От заключительной фразы глаза молодого охотника расширились, ибо он почувствовал, что вот-вот произойдет великое событие, в котором он будет главным действующим лицом. Но Унчида возобновила свою речь.

"Ты должен отдать что—нибудь из своих вещей — то, что тебе дороже всего, - ибо это будет жертвоприношением".

Это несколько смутило мальчика; не то чтобы он был эгоистичен, но скорее неуверен в том, что было бы наиболее подходящим подарком. Кроме того, он предположил, что бабушка имела в виду только его украшения и игрушки. Поэтому он сам вызвался:

— Я могу отказаться от своего лучшего лука и стрел, от всех красок, которые у меня есть, и... и от ожерелья из медвежьих когтей, бабушка!

- Это самое дорогое для тебя? - спросила она.

- Не лук и стрелы, но краски будет очень трудно достать, потому что поблизости нет белых людей; и ожерелье — нелегко снова раздобыть подобное. Я также откажусь от своего головного убора из кожи выдры, если ты считаешь, что этого недостаточно".

- Но подумай, мой мальчик, ты еще не упомянул о том, что станет приятным подношением Великой Тайне.

Мальчик озадаченно посмотрел в лицо женщины.

- У меня нет ничего лучше тех вещей, которые я назвала, бабушка, если только это не мой пятнистый пони; и я уверена, что для Великой Тайны не потребуется, чтобы маленький мальчик сделал ему такой большой подарок. Кроме того, мой дядя дал за него три кожи выдры и пять орлиных перьев, и я пообещал надолго оставить его у себя, если Черноногие или Вороны не украдут его.

Унчида не была полностью удовлетворена бесплатными подношениями мальчика. Возможно, ему и в голову не приходило, чего она на самом деле хочет. Но Унчида знала, к кому он привязан. Его верный пес, его питомец и компаньон—Хакада был почти неразлучен с любящим зверем.

Она была уверена, что получить его согласие на принесение животного в жертву будет трудно, но все же решила на последнюю попытку.

"Ты должен помнить, - сказала она, - что в этом подношении ты призовешь того, кто смотрит на тебя из каждого творения. В шуме ветра ты слышишь, как он шепчет тебе. Он издает свой боевой клич в раскатах грома. Днем он наблюдает за тобой своим оком, солнцем; ночью он смотрит на твое спящее лицо при свете луны. Короче говоря, это Тайна из Тайн, тот, кто управляет всем сущим, кому ты сделаешь свое первое подношение. Этим действием ты попросишь его даровать тебе то, что он даровал немногим людям. Я знаю, ты хочешь быть великим воином и охотником. Я не готов видеть, как моя Хакада проявляет малодушие, потому что любовь к собственности - черта женская, а не храбрая".

Во время этой речи мальчик полностью проникся духом мужественности и в своем возбуждении был готов отдать все, что у него было, — даже своего пони! Но он не обращал внимания на

своего друга и компаньона, собаку Охитику! И так, едва Унчида закончил говорить, как он почти закричал:

- Бабушка, я отдам все, что у меня есть, в жертву Великой Тайне! Ты можешь выбрать то, что, по твоему мнению, будет ему наиболее приятно".

За этим небольшим диалогом наблюдали двое молчаливых зрителей. Одного звали Вахчевин, другого - Охитика. Женщину пригласили погостить, хотя она была всего лишь соседкой. Собака, в силу привычки, заняла свое обычное место рядом со своим хозяином, когда они вошли в вигвам. Не шевельнув ни единым мускулом, за исключением глаз, он очень внимательно наблюдал за происходящим.

Если бы пес хотя бы раз пошевелился, чтобы привлечь внимание своего маленького друга, его можно было бы отговорить от этого порывистого восклицания: "Бабушка, я отдам все, что у меня есть!"

Унчиде было трудно сказать мальчику, что он должен расстаться со своей собакой, но она смирилась с ситуацией.

- Хакада, - осторожно продолжила она, - ты юная храбрая девушка. Я знаю, что, несмотря на молодость, твое сердце сильно, а отвага велика. Тебе будет приятно отдать самое дорогое, что у тебя есть, в качестве первого подношения. Ты должен отказаться от Охитики. Он храбр; и ты тоже храбр. Он не испугается смерти; ты мужественно перенесешь его потерю. Пойдемте, — вот четыре связки красок и набитая трубка, — пойдем на место!"

Когда были произнесены последние слова, Хакада, казалось, не услышал их. Он просто не мог говорить. Цивилизованному глазу он показался бы в тот момент маленькой медной статуэткой. Его блестящие черные глаза быстро наполнялись слезами, когда он поймал взгляд своей бабушки и вспомнил ее часто повторяемую поговорку: "Слезы для женщины и военный клич для мужчины, чтобы заглушить горе!"

Он проглотил два или три больших глотка душевной боли, и маленький воин стал хозяином положения.

"Бабушка, моему храбрецу придется умереть! Позвольте мне связать вместе два самых красивых хвоста белок, которых мы с ним убили сегодня утром, чтобы показать Великой Тайне, каким охотником он был. Позволь мне нарисовать его самому".

В этой просьбе Унчида не смогла отказать и оставила пару наедине на несколько минут, а сама пошла попросить Вакуту казнить Охитику.

Каждый индийский мальчик знает, что, когда воин идет навстречу смерти, он должен спеть погребальную песнь. Хакада думал о своем Охитике как о человеке, который встретит свою смерть без борьбы, поэтому он начал петь панихиду по нему, в то же время крепко прижимая его к себе. Как будто он был обычным человеком, он прошептал ему на ухо:



Он начал петь панихиду по нему.

Страница 140.

"Будь храброй, моя Охитика! Я вспомню тебя, когда впервые окажусь на тропе войны в стране оджибвеев".

Наконец он услышал, как Унчида разговаривает с мужчиной возле вигвама, и быстро взялся за краски. Охитика был угольно-черной собакой с серебряным кончиком на конце хвоста и на носу, рядом с одной белой лапой и белой звездочкой на выступе между ушами. Хакада знала, что человек, который готовится к смерти, обычно рисует красным и черным. Природа частично обеспечила охитику в этом отношении, так что требовался только красный цвет, и Хакада поставляла его щедро.

Затем он оторвал кусок красной ткани и обвязал его вокруг шеи собаки; к нему он прикрепил хвосты двух белок и крылышко иволги, которую они убили этим утром.

Именно тогда ему пришло в голову, что хорошие воины всегда скорбят по своим ушедшим друзьям, и обычным трауром была черная краска. Он распустил свои черные косички, растер тухлый уголь, смешал его с медвежьим жиром и натер им все лицо.

В это время каждое отверстие в палатке было занято глазом. Среди наблюдавших была его бабушка. Она была очень близка к тому, чтобы смягчиться. Если бы она не боялась гнева Великой Тайны, она была бы счастлива крикнуть мальчику: "Оставь свою дорогую собачку, дитя мое!"

Как бы то ни было, Хакада вышел из вигвама с лицом, похожим на луну в затмении, ведя за собой свою прекрасную собаку, которая была еще красивее, чем когда-либо, с рыжими пятнами на белых пятнах.

Теперь настала очередь Унчиды бороться с бурей и бременем в ее душе. Но мальчик был ободрен восхищением людей его храбростью и не проронил ни слезинки. Как только она смогла говорить, любящая бабушка сказала:

- Нет, мой юный храбрец, не так! Ты не должен оплакивать свое первое подношение. Умой лицо, а потом мы пойдем.

Мальчик подчинился, с улыбкой передал Охитику Вакуте и ушел вместе со своей бабушкой и Вахчевином.

Мальчик и его бабушка спустились с берега по извилистой тропинке, пока не достигли кромки воды. Затем они направились ко входу в огромную пещеру, расположенную примерно в пятидесяти футах над рекой, под обрывом. Небольшой ручеек прозрачной воды стекал из источника внутри пещеры. Небольшой ручей служил посетителям чем-то вроде естественной лестницы. Прохладная, приятная атмосфера исходила от входа в пещеру. На самом деле это была святыня природы, и нет ничего странного в том, что племя так к ней относилось.

Чувство благоговения охватило мальчика. "Это обитель Великой Тайны", - подумал он про себя, и впечатляющесть окружения заставила его забыть о своей печали.

Очень скоро Вахчевин с некоторым трудом добрался до ступенек. Она положила тело Охитики на землю в позе, подобающей жизни, и снова оставила их наедине.

Как только она скрылась из виду, Унчида со всей торжественностью и благоговением развязала кожаные шнурки, на которых лежали четыре маленьких свертка с красками и один с табаком, а набитую трубку положила рядом с мертвым Охитикой.

Она разбросала повсюду краски и табак. Они снова постояли несколько мгновений молча; затем она глубоко вздохнула и начала свою молитву Великой Тайне:

"О, Великая Тайна, мы слышим твой голос в бурлящих водах под нами! Мы слышим твой шепот в огромных дубах наверху! Наш дух освежается твоим дыханием из этой пещеры. О, услышь нашу молитву! Взгляни на этого маленького мальчика и благослови его! Сделай его таким же великим воином и охотником, какими ты сделал его отца и деда".

И этой молитвой маленький воин завершил свое первое подношение.

VII

МОГИЛА СОБАКИ

Полная луна только-только показалась из-за высоких горных хребтов, когда охотник-разведчик медленно двинулся домой, плотно завернувшись в свою длинную бизонью шкуру, которая была надежно подпоясана к его сильным чреслам; его колчан был туго привязан к плечам, чтобы не мешать продвижению.

Когда он выбрался из низин в верхние районы, его гигантская фигура вырисовывалась на фоне ясного, залитого лунным светом горизонта. Его живописная шапка из лисьей шкуры со всей ее отделкой покрылась инеем от дыхания в ноздрах, а его запинаящиеся шаги звучали четко. Расстояние, которое он преодолел в тот день, было достаточным для выносливости любого человека; и все же он не был ни ослаблен, ни голоден; но его ноги примерзли к снегоступам, так что он не мог бежать быстрее, чем легко поскользнуться.

Наконец он достиг столь желанной точки — вершины последнего восхождения; и когда он почувствовал запах костра и пикантный аромат вяленого мяса бизона, это едва не заставило его дрогнуть! Но он не должен пренебрегать обычаем неисчислимых веков и издавать волчий клич разведчика перед входом в лагерь.

Соответственно, он остановился на самой высокой точке хребта и издал крик, по сравнению с которым голодный вой настоящего волка показался бы всего лишь визгом койота! Тогда-то остальные охотники на бизонов и узнали, что их разведчик возвращается с приятными новостями, потому что разведчик-неудачник входит в лагерь бесшумно.

Тем временем охотники во временном лагере были возбуждены до предела. Некоторые развернули свои бизоньи шкуры и надели их таким образом, чтобы превратиться в воображаемых бизонов, и начали топтать снег, в то время как другие пели песню бизонов, чтобы их души могли быть очарованы и привлечены в круг лагерных костров. Приближаясь к охотничьему лагерю, разведчик тоже пел свою песню о быках-буйволах гортанным мычанием. На расстоянии полета стрелы он снова остановился, пока разыгрывались обычные церемонии его приема. После этого его усадили вместе с вождями в выбранном месте.

"Это был долгий путь, - сказал он, - но трудностей не возникло. Первое стадо я нашел прямо к северу отсюда. Второе стадо, большое, находится на северо-востоке, возле озера Шелл. Снег глубокий. Бизоны могут отступать только за своим вожаком.

"Привет, привет, привет!" - торжественно воскликнули охотники в знак благодарности, воздевая руки к небу, а затем указывая ими на землю.

- Эй, кола! еще по одной трубочке из бизоньей кожи, а потом мы разойдемся, чтобы подняться на охоту до рассвета, - посоветовал один из вожаков. Молча они по очереди затянулись трубкой с длинным чубуком и один за другим с величественным "Хо!" разошлись по своим вигвамам.

Разведчик удалился в свой маленький старый вигвам для бизонов, который он использовал для зимних охотничьих экспедиций. Его верный Шунка, который все это время был его единственным обитателем, встретил его у входа так, как только собаки умеют приветствовать друга всей жизни. Когда его хозяин вошел, он потянулся своим старинным способом, от кончика хвоста до кончика языка, и закончил тем, что загнул оба конца кверху.

- Эй, мита Шунка, съешь это, ты, должно быть, проголодался! С этими словами разведчик положил перед своим другом-собакой последний кусок сушеного мяса бизона. Это было самое сладкое блюдо, когда-либо съеденное собакой, судя по тому, как она долго причмокивала губами после того, как проглотила его!

Вскоре охотничий отряд погрузился в тяжелый сон. Не было слышно ни звука, кроме того, как пони грызли кору тополя, которой зимой их кормили вместо сена.

Когда Уопашоу, охотник-разведчик, завернулся в свою теплую бизонью шкуру и крепко уснул, его верный товарищ охотник, огромный эскимосский волкодав, бесшумно встал и снова потянулся, затем некоторое время стоял тихо, словно размышляя. Было ясно, что он хорошо знал, что планировал сделать, но обдумывал, как ему это сделать, не вызывая никаких подозрений в своих передвижениях. Это искусство собаки, и ночные трюки и мародерство всегда должны быть радостью и секретом ее жизни!

Он тихо вышел из сторожки и быстро огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что за ним никто не шпионит. Он подозрительно понюхал воздух, словно желая убедиться, не грозит ли какая-нибудь опасность его спящему хозяину, пока его нет.

По длинному склону он трусил в северном направлении, но не по следу своего хозяина. Он был крупным и устрашающей силы, сочетая в себе черты своих диких братьев с равнин и собак, которые водят компанию с краснокожими. Его черные как смоль волосы, острые уши и нос казались огромным преимуществом на фоне безупречно чистого, сверкающего драгоценными камнями снега, пока вскоре его собственное теплое дыхание не покрыло его густым инеем.

Через некоторое время Шунка напал на след своего хозяина и шел по нему до конца, лишь время от времени срезая путь, когда собачьим инстинктом он знал, что человек должен обогнуть такое место, чтобы добраться до места назначения. Ночью он встретил много путников, но никто не осмелился приблизиться к нему, хотя некоторые следовали на расстоянии, словно желая узнать о его цели.

Наконец он добрался до Шелл-Лейк и увидел там большое скопление стад! Они стояли группами, как огромные камни, уже не черные, а белые от инея. Каждый из них выпускал белый пар, быстро превращавшийся в воздухе в мелкий снег.

Шунка присел на корточки и устался. "Вау, вот оно!" - сказал он себе. Он не шевелился, когда охотничий разведчик подал волчий клич, хотя в лагере царил шум, а дикие охотники с соседних холмов были не менее радостны, потому что поняли значение непривычного шума. Тем не менее, его любопытство не было полностью удовлетворено, и он отправился в путь, чтобы узнать правду, и, возможно, для того, чтобы защитить своего хозяина или послужить ему в случае опасности.

На рассвете огромный пес покорно вошел в грубый вигвам своего хозяина и обнаружил, что тот уже готовится к предстоящей охоте. Он набивал свои мокасины изнутри буйволиной шерстью, которая служила ему чулками, поверх которых он надел свои большие буйволиные мокасины шерстью внутрь и поправил теплые леггинсы. Затем он поправил свои снегоступы и наполнил свой колчан хорошими стрелами. Собака тихо улеглась в теплом месте, сделавшись как можно меньше, словно для того, чтобы избежать наблюдения, и спокойно наблюдала за своим хозяином.

Вскоре все охотники гуськом бежали по следу разведчика, за каждым индейцем следовал его верный охотничий пес. Менее чем через два часа они стояли сразу за невысоким гребнем, который огибал южную сторону озера Шелл. Узкая полоска земли между двумя его разделениями была буквально заполнена бизонами. В ущельях за ними, между темными линиями леса, тоже были разрозненные группы; но охотники сразу увидели свое преимущество перед стадом на полуострове.

"Хечету, кола! Это хорошо, друзья!" - воскликнул тот, кто заговорил первым. "Их можно заставить переходить по скользкому льду и трясине вокруг источников. Это поможет нам добыть больше мяса. Наш народ голоден, и мы должны убить многих, чтобы прокормить их!"

"Фу, он всегда прав! Здесь нам должны помочь наши собаки. Мясо будет принадлежать как им, так и нам", - добавил другой.

- Здорово, кола! Собака егеря - величайший Шунка из всех! У нее разум, почти как у человека. Пусть он возглавит атаку своих товарищей, а мы подползем с противоположной стороны и окружим буйвола на скользком льду и в коварной трясине", - подал голос третий. Итак, было решено, что гейм-скаут и его Шунка должны возглавить атаку.

"У-у-у, у-у-у!" - хрипло вырвалось из горла охотника, но его голос потонул в вое и лае свирепых собак, бросившихся в атаку. Через мгновение среди бизонов воцарилось замешательство. Одни двинулись в ту сторону, другие в другую, и огромная масса неуверенно закачалась взад-вперед. Несколько человек были готовы к бою, но снег был слишком глубоким для контратаки на собак, за исключением льда прямо перед ними, где ветер всегда дул вовсю. Там все было скользко и блестяло! В своем возбуждении и замешательстве бизоны бросились на эту зыбкую равнину.

Их вес и инерция стремительного движения унесли их безнадежно далеко, где они снова запутались в том, в какую сторону идти, и многие застряли в трясине, которая была скрыта снегом, за исключением кое-где отверстия над родником, из которого валил дымящийся пар. Охотник-разведчик и его доблестный пес вели за собой отряд собак с оглушительными боевыми криками, и то тут, то там из-за насыпей высывались черные головы. Когда стадо, наконец, направилось к противоположному берегу, много мертвых осталось позади. Пронзенные стрелами охотников, они лежали черными холмами на стеклянной равнине.

Это была отличная охота! "Лагерь снова будет накормлен, - думали они, - и эта удача поможет нам добраться до источника живыми!"

С противоположного берега донеслись радостные возгласы, в то время как охотник достал свой большой нож и приступил к работе, которая всегда является продолжением охоты, — разделке дичи; хотя выжившие после резни едва скрылись за холмами.

Все деловито снимали шкуру с мяса и разрезали его на куски, удобные для переноски, как вдруг один охотник обратил внимание окружающих на зловещую перемену в атмосфере.

"Есть признаки снежной бури! Мы должны поспешить в ближайший лес, пока она не добралась до нас!" - крикнул он.

Одни услышали его, другие - нет. Те, кто видел или слышал сигнал, передали его и поспешили к лесу, где другие уже соорудили грубые укрытия и собрали охапки сухих дров для топлива.

Вокруг нескольких лагерных костров сидели или стояли охотники, пока полуголодные мужчины жарили ломтики вкусного мяса и с удовольствием поедали их.

Но буря уже почти окутала их кружащейся белизной. "У-у-у!" - кричали они тем, кто еще не добрался до лагеря. Один за другим отвечали и появлялись из спящей пелены снега. Наконец-то не пропал ни один, кроме егеря и его Шунки!

Охотники проводили время за едой и рассказыванием историй до позднего часа, время от времени издавая дружные крики, чтобы указать дорогу заблудившемуся, если ему случится пройти мимо их лагеря.

"Не бойтесь за нашего разведчика, друзья!" - наконец воскликнул один из них. "Он храбрый и опытный человек. Он найдет безопасное место для отдыха и присоединится к нам, когда ветер утихнет". Поэтому все они завернулись в свои одежды и улеглись спать.

Всю ту ночь и следующий день никто не мог прийти на помощь, и охотники очень беспокоились об отсутствующих. Поздно вечером второго дня сильная буря утихла.

- Хо-хо! Иетанка! Вставай! Так первый проснувшийся охотник разбудил всех остальных.

Как и после любой другой грозы, было удивительно тихо; так тихо, что можно было отчетливо слышать топот ног кроликов, спускающихся по склонам к ивам в поисках пищи. Вся сухая растительность была погребена под глубоким снегом, и повсюду они видели это одетое в белое существо прерий, спускающееся к лесу.

Теперь воздух был полон охотничьих криков волков и койотов, и их видели в большом количестве на льду.

- Смотрите, смотрите! голодные волки утаскивают туши! Прислушайтесь к боевым крикам Шунки разведчика! Скорее, скорее!" - хором уговаривали они друг друга.

Они побежали прочь и оказались на озере; то по продуваемому ветром льду, то по покрытому коркой снегу; бежали, когда могли, скользили, когда должны были. Там, несомненно, было большое скопление волков, которые бешено кружились, но постоянно двигались к дальнему концу озера. Они отчетливо слышали хриплый лай шунки разведчика и время от времени приглушенный боевой клич человека, как будто он доносился из-под льда.

По мере того, как они приближались к месту происшествия, они все отчетливее слышали голос своего друга, но все еще как бы из-под земли. Когда они добрались до места, куда волки утащили две туши буйвола, было видно, что Шунка стоит рядом с одним из них, но в этот момент он пошатнулся и упал. Охотники достали ножи и вспороли замерзшую шкуру, прикрывавшую

брюшную полость. Под ней обнаружилось теплое гнездо из сена и бизоньей шерсти, в котором лежал разведчик, завернутый в свою собственную одежду!

Он поместил свою собаку в одну из туш, а себя - в другую для защиты от непогоды; но собака оказалась мудрее человека, потому что держала вход открытым. Мужчина накинул на себя шкуру, и она намертво застыла, надежно закрыв его изнутри. Когда появились голодные волки, Шунка быстро высвободился и сдерживал их так долго, как только мог; тем временем, скользя и подтягиваясь, волки продолжали тащить по скользкому льду тело буйвола, в котором укрылся его хозяин. Бедный, верный пес, не заботясь о собственной безопасности, стоял рядом со своим заключенным хозяином, пока не подошли охотники. Но было слишком поздно, потому что он получил не одно смертельное ранение.

Как только разведчик вышел, с лицом, больше озабоченным за других, чем за себя, он воскликнул:

- Где Шунка, самый храбрый из своего племени?

"Хо, кола, это действительно так; и вот он лежит", - печально ответил один из них.

Хозяин опустился на колени рядом с ним, нежно поглаживая собаку по морде.

"Ах, друг мой, ты идешь туда, где живут все духи! У Великой Тайны есть дом для каждого живого существа. Пусть он разрешит нам встретиться там!"

На рассвете разведчик отнес его на один из красивых круглых холмов, возвышавшихся над озером, и возвел вокруг него стены из рыхлого камня. По индейскому обычаю на снег были разбросаны красные краски, и была спета прощальная песня.

С того дня это место известно сиу как Шункаханакапи — Могила Собаки.

КОНЕЦ

СЛОВАРЬ ИНДИЙСКИХ СЛОВ

- Будьте-дэй-ва-кан-тоннами, обитателями озера.
- Ча-тан-на, четвертый сын.
- в лоб, конечно.
- Че-тон-ска, белый ястреб.

- Чанк-пай-ю-ха, несет дубинку.
- ку-ва, иди сюда!
- ха-на-ка-пи, могила.
- хи-ю-пи-ура, идите все сюда!
- хей-чей-ту, все хорошо.
- Ха-кей-да, последний из рожденных.
- он-нах-ках-га, сова.
- Ка-по-се-ях, Легкие ложи (банда сиу).
- Привет, друг.
- Ман-ка-то, голубая земля.
- Мах-то, медведь.
- Мах-то-сап-а, черный медведь.
- Ма-пи-па, четыре неба.
- Ме-не-ях-та, у воды.
- Ме-чинк-ши, сын мой.
- Накпах, уши (животного).
- О-о-пай-хан-ска, синяя птица.
- о-хит-и-ках, храбрый.
- шунках, собака.
- Сна-на, погремушка.
- переходи к кей-ча, волк.
- Ши-чо-ка, робин.
- Шун-ка-ска, белая собака.
- пи-пи-пи, палатка.
- так-ча, олень.
- то-ки, ну-ну!
- Та-ти-йо-па, ее дверь.
- Ун-чи-да, бабушка.
- у-ту-ху, дуб.
- ва-кан, святой, чудесный.
- Ва-ку-тай, стрелок.
- Ва-пай-тон, обитатель листвы.
- Ва-чи-вин, танцующая женщина.
- Ви-ко, красивая женщина.
- Ва-ду-та, алый.
- ве-ян-на, маленькая женщина.
- Мы-не-не, девочка-первенец.
- Привет, сирота.
- Зи-зи-ви, желтая женщина.